

Изгорь Кабаретъе

*Треступление
в Гранд-опера.
Пом второй*

Шуба из Сибири

Игорь Кабаретъе

**Преступление в Гранд-опера.
Том второй. Шуба из Сибири**

«Издательские решения»

Кабаретье И.

Преступление в Гранд-опера. Том второй. Шуба из Сибири /
И. Кабаретье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908898-7

Продолжение расследования убийства в парижской Гранд-опера. Любовные интриги сменяют опасные приключения интеллектуального исследователя парижского преступного мира.

ISBN 978-5-44-908898-7

© Кабаретье И.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
ГЛАВА II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Преступление в Гранд-опера. Том второй Шуба из Сибири

Игорь Кабаретъе

© Игорь Кабаретъе, 2018

ISBN 978-5-4490-8898-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I

Нуантэль, нужно это отметить, был человеком методичным. Военная жизнь приучила его как порядку, так и к распорядку. Он привык все ежедневные дела делать в свой определённый час, ничего не запутывая неожиданными поступками, раскладывая каждую вещь и дела по определённым полочкам. В своём полку, после учений и положенной по уставу чистки оружия, капитан становился человеком светским и тем самым ловеласом, каким его знают сейчас в Париже, так что в том военном городке, где находился его гарнизон, он оставил о себе нетленные воспоминания, и там и по сей день на слуху легенды о его удачах и победах на любовном фронте. После отставки с военной службы Нуантэль сохранил прежний уклад жизни, правда, позволяя себе изредка некоторые неожиданные поступки, без которых в Париже невозможно прожить и месяца. Три четверти его времени было посвящено умелому фланированию в текущих столичных делах, а именно – находиться в курсе всей светской жизни, не утруждая себя при этом никакими обязательствами, а остаток принадлежал определённым общественным обязательствам и дружеским отношениям, а также всяческим более или менее рискованным, но кратковременным связям с любезными дамами. Он не отказывался себе в удовольствии путешествовать в страну Нежности и Любви, но только никогда не задерживался в ней надолго и всегда с успехом возвращался из этих вылазок в свой дом, ставший для него уютной холостяцкой гаванью.

Приключение, случившееся с Гастоном Дарки, как нельзя кстати взорвало устоявшийся парижский уклад жизни капитана, как раз в тот период, когда сердце Нуантэля находилось в очередном квартальном отпуске, и он с радостью воспользовался случаем занять своё безделье упражнениями для ума и заодно прийти на помощь самому дорогому из своих друзей.

Вот уже сорок восемь часов душа и тело, а главное, его ум, целиком и полностью принадлежали делу защиты Берты Меркантур. Нуантэль вёл расследование по этому делу с тем же самым усердием и той же заботой, какую раньше он направлял на проведение военных операций, и следовало признаться, что ему понравилось это его новое занятие, эта новая кампания, схожая с военной операцией во времена кампании с пруссаками, представлялась ему действительно увлекательной и захватывающей. Запонка, найденная мадам Мажоре, рассказы Мариетты и признания мсье Крозона... Господи, столько показаний и улик, из которых можно извлечь пользу в сражении с неприятелем, а если этим неприятелем была маркиза де Брезе, более чем достойный противник, вести боевые действия против которого было одно удовольствие, Любой бой предполагает и оборонительные действия, а защищаться от атак такого хитрого и соблазнительного противника, каким была гаванка, обойти его искусным манёвром и, в конечном счёте, победить, разве это не истинное наслаждение для военного, хоть и в отставке. Его артиллерийские батареи были на боевых позициях и просили только команды открыть огонь по неприятелю, но капитан располагал несколькими часами до начала боевых действий и намеревался их использовать с пользой для своих фантазий, в некотором роде даже эротических, в чём, кстати, он не смел себе признаться, а ведь это было несвойственное ему доселе проявление трусости.

Итак, среди прочих чудачеств, в Париже у него появилась одна милая привычка: между обедом и ужином выкуривать несколько сигар в клубе за игрой в бильярд. Ему нравилось как играть самому, так и, ещё более того, понаблюдать за игрой других, покуривая при этом любимую гавану. Нуантэль, пуская в потолок кольца ароматного дыма, обожал классифицировать игроков в карамболь по различным признакам – типу ума, темпераменту, ну и прочим другим разнообразным мелочам. Капитан в тот день благоразумно счёл, что посвятив добрую треть дня своему расследованию во благо своего друга, он выиграл право на эту свою излюбленную забаву. Посещение маркизы было запланировано только на пять часов, и он не нуждался в том,

чтобы возвращаться домой для перемены костюма перед предстоящим рандеву с маркизой, ведь его грум прекрасно знал, какой более подходящий к визиту костюм нужно принести ему прямо в клуб, чтобы поменять тот, который он одел утром, отправляясь на церемонию похорон Джулии д'Орсо. Кроме того, капитан не рассчитывал снова увидеть китобоя в этот день, так как анонимный корреспондент, который нарушал уже три месяца покой несчастного моряка, как ему казалось, был не очень уверен в том, что он делал сейчас, и вряд ли вдруг стал проявлять неожиданную быстроту и оперативность, чтобы назвать имя любовника мадам Крозон этим вечером.

– Впрочем, – сам себе говорил Нуантэль, поднимаясь по лестнице в Клуб, – любовник, а это был, по-видимости, Голиммин, умер. Но, чёрт возьми, я буду не я, если не разгадаю, кто доносчик. Вероятно, это враг этого поляка, человек, у которого был какой-то интерес натравить на него Крозона, чтобы тот убил бедного славянина.

Эта была последняя мысль Нуантэля о занимавшем его доселе деле, после чего его мозг переключился на другую тему. Это был его коронный метод – все одолевавшие его заботы оставлять на пороге красного салона клуба, точно также, как в старые добрые времена армейской службы он снимал свою саблю на входе в офицерскую столовую, а посему, когда капитан преодолел порог клубной бильярдной, он буквально сбросил со своей души все приключившиеся с ним за день напасти и вновь стал таким же весёлым и беззаботным кавалером, как во времена, когда он нёс на своих юных плечах эполеты младшего лейтенанта.

Нуантэль оказался в гуще людей, знакомых ему с самого начала его Парижской жизни, и встречи с которыми он всегда был рад, причём в гораздо меньшей степени, чтобы насладиться беседой с ними, чем возможностью подтрунить над кем-нибудь из них при случае, блеснуть своим умом, для которого это было просто необходимое ежедневное упражнение, ведь оценить брызги остроумия его серого вещества могли только достойные люди. Среди них оказался молодой финансист Верпель, неплохо зарекомендовавший себя не только на бирже и в банке, но и в мире светских парижских развлечений, а также лейтенант Тревиль, гусар, буквально преследуемый светскими дамами и с удовольствием принимаемый дамами полусвета, и месье Пердрижон, человек и серьёзный и нежный, с успехом использующий свой зрелый возраст и доходы от торговли маслом на протекцию молодым дебютанткам на театральных подмостках парижских театров. Не стоит исключать из этого почётного списка молодого барона Сиголена, успешно десантировавшегося в Париж из Веле, кандидата в спортсмены и бесхитростного игрока, Альфреда Ланвэ, ловкого мальчика, сколотившего себе тридцать тысяч фунтов ренты на торговле голубями и с удовольствием поигрывающего в китайский безик¹, и месье Кулибёф, землевладельца из Гатинэ, а также майора Коктейль, англичанина по рождению, парижанина по предназначению, а по сути своей игрока на ипподроме и неисправимого спорщика. Не забудем упомянуть любезного месье Шинкаренкофф, бывшего адвоката и члена масонской ложи, а также полковника Тартара, на счету которого имелось тридцать лет безупречной службы, двадцать военных кампаний, шесть ран и один отвратительный характер.

Только Ласко и Сен-Труа не хватало на этом доблестном собрании, но Пребор и Лолиф с успехом их заменяли, разыгрывая партию в бильярд.

Игра достигла своего пика, проходила практически в равной борьбе, так как противники были практически одинаковой силы. В настоящий момент у Лолифа было небольшое преимущество, и он довольно улыбался, готовясь триумфальной серией ударов завершить партию в свою пользу, когда внезапно на его беду он заметил Нуантэля.

– Добрый день, мой капитан, – прокричал Лолиф, как только увидел его. – Были ли Вы на похоронах Джулии? Нет...? А мне сказали, что вас там видели... А я посетил это меропр-

¹ Китайский безик – карточная игра

ятие в церкви, но к несчастью, сам не смог пойти на кладбище. Меня в это время вызвали на допрос к следователю, так что у меня есть новости для вас, мой дорогой. Вообразите, что...

– Ах, опять! Вы снова собираетесь нам пересказывать Уголовно-процессуальный кодекс? – воскликнул лейтенант Тревиль. – Я уже пресытился вашими историями о свидетельских показаниях и открытиях, сделанных следователем. Нет ничего скучнее, чем беседовать о судебном процессе. Когда мне приходится случайно почитать «Судебную газету», у меня наступает двадцати четырёх часовая полоса невезения. И я держу пари на десять луидоров против ваших, что вы сейчас проиграете эту партию.

– Лейтенант прав, – пробормотал полковник Тартара. – Ваша очередь, чёрт возьми! Ваша очередь! Я ставлю сорок франков на вас, молодой человек.

– Считайте, что я их уже выиграл, мой полковник, – воскликнул Лолиф, размахивая руками с видом победителя. – Мне недостаёт лишь девяти очков из тридцати, и сейчас вы насладитесь картиной того, как я их наберу прямо на ваших глазах.

– И я ставлю двадцать луидоров против пятнадцати на месье Лолифа, – хладнокровно произнёс барон Сиголен.

– Поддерживаю, – воскликнул Верпель, будущий банкир.

И Лолиф, окрылённый и гордый оказанным ему доверием, счёл своим долгом его оправдать, сыграв как можно красивее.

Нуантэль был обрадован этому всплеску игровых эмоций, избавивших его от необходимости отвечать на нескромные вопросы Лолифа, так как он не собирался становиться поставщиком новостей с похорон мадам д'Орсо для всех этих бездельников из клуба, и капитан двинулся вдоль бильярдного стола, не приветствуя при этом Пребора, который накануне, на Елисейских полях, проявил неучтивость к нему и Дарки, и прошёл в конец зала, чтобы присесть на одну из сафьяновых банкеток, установленных вдоль стен.

Лолиф, распалённый присутствием такого количества зрителей, сделал ложную подсечку, и его оппонент немедленно воспользовался этой оплошностью, а капитан ещё не успел занять своё место среди других зрителей этого поединка, как ливрейный лакей подошёл к нему с письмом на подносе. Нуантэль посмотрел на конверт, однако ни обратный адрес, ни почерк, каким он был подписан, не были ему знакомы, так что капитан беззаботно распечатал это письмо, которое, поначалу, его почти не заинтересовало, однако выражение его лица поменялось, когда он увидел в конце этой эпистолы подпись генерала Ласко.

– О! – Произнёс он тихо, – И о чём мне может сообщить этот Перуанец? Посмотрим...

«Дорогой господин, мадам маркиза де Брезе поручила мне проинформировать вас, что она не сможет принять вас сегодня, во вторник. Она сильно занемогла вчера вечером, у неё внезапно случился приступ невроза. Мой друг Сен-Труа думает, что этот кризис может продолжиться на протяжении нескольких дней. Хочу вам также сообщить, что мне вчера была оказана честь поужинать вместе с ним у его благородной клиентки, и именно благодаря этому стечению обстоятельств я имею удовольствие вам писать. Маркиза вспомнила, что в воскресенье, в Опере, вы ей обещали нанести визит, и она постаралась не доставлять вам неудобства, попросив меня выразить вам сожаление, которое она испытывает, будучи вынужденной отказывать в визите персонам, с которыми ей более всего приятно встречаться. Поверьте, дорогой господин, в наилучших чувствах к вам преданного вам слуги.»

– Неужели именно этого странного типа выбирает маркиза, чтобы предупредить меня! – подумал капитан. – Вот ещё один серьёзный знак, более серьёзный, чем любые другие... де Брезе, использующая Ласко в качестве секретаря, и заставляющая заботиться о себе Сен-Труа... что ещё может быть значительнее. Для этого было бы нужно, чтобы оба негодяя, которые её крепко держат, по-видимому, в своих руках, действительно присутствовали при убийстве Джулии. И если маркиза хочет, чтобы кто-то освободил её от пут этих негодяев, то это, полученное мной уведомление, и есть не что иное, как признание во мне без всякой торговли

её освободителя. Теперь речь идёт лишь о том, чтобы решить, что лучше сделать в интересах мадемуазель Меркантур... принять сторону маркизы для того, чтобы затем у неё вырвать признание, или вынудить обоих её хозяев разоблачить эту мадам де Брезе. Эта последняя партия, вполне очевидно, наиболее практическая, но, чтобы принудить этих негодяев действовать в моих интересах, мне следует найти способ действий... основанный на знании тех подлостей, которые они задумали. Пока же мне не известна тайна, которой они обладают, я не имею права отказаться от желания увидиться с мадам де Брезе, и посмотрим, насколько долго она будет настаивать на том, чтобы держать закрытой передо мной свою дверь, как выразился Хосе Ласко, который будет вынужден не сегодня-завтра заплатить мне за эту дерзость.

Этот монолог был прерван восклицаниями, раздавшимися по поводу одного сомнительного удара. Лолиф утверждал, что его шар коснулся красного, а его противник оспаривал этот факт, и спорщики яростно доказывали свою правоту. Большинство клубменов, в конечном счёте, согласилось с Пребором, и Лолиф, которому не хватало всего трёх очков до победы, был вынужден предоставить полную свободу действий на зелёном сукне противнику, набравшему, в свою очередь, уже двадцать четыре очка.

– Я разорён, мой капитан, – воскликнул лейтенант Тревиль, присаживаясь рядом с Нуантеэлем. – Этот дурак Лолиф собирается меня обобрать, украв из моего кошелька десять луидоров, которые я на него поставил, и если бы вы прибыли пятью минутами позже, я бы их легко заработал. Но как только Лолиф замечает кого-то, с кем можно поговорить о деле мадам д'Орсо, он тут же перестаёт соображать и начинает творить нечто несусветное.

– Клянусь честью! Я не могу понять, почему он обратился ко мне с этой речью, – ответил, Нуантэль, пожимая плечами. – Я ничуть не в курсе того, что происходит у полицейских комиссаров, следователей и прочей парижской судейской братии.

– Хорошо, пусть так! Но вы – близкий друг Дарки, а он был любовником Джулии. Лолиф предполагает, что всё то, что связано с преступлением в Опере, вас заинтересует, и одного этого достаточно, чтобы ему не достало точности в игре карамболем. Теперь посмотрите на Пребора. У этого фата все признаки и инстинкты основательного жулика. Он развлекается, потому что нашёл хорошую серию шаров в углу стола. Держитесь, ведь сейчас он их всех загонит в лузу! Вот... три шара рядом. Двадцать пять! Двадцать шесть! Двадцать семь! Двадцать... Нет, не попал. Пойдём, посмотрим, у меня появилась надежда... лишь бы только у Лолифа не нашлось нового развлечения.

– Почему вы не играете сами, вместо того, чтобы держать пари на других?

– Потому что я всегда терплю поражение в сражении с растяпами. Я слишком раздражителен, и эти люди меня выводят из терпения. Первые из них ещё более невыносимы, чем следующие за ними, ведь вначале шествует племя жуликов и пройдох во главе с Пребором, а следом Верпель, который ведёт бильярдную партию, словно фьючерскую операцию, и также Ленвер, прячущий кусочки мела в карман, чтобы помешать противнику ими пользоваться. А затем брюзга Кулибеф, считающий, что лампы недостаточно освещают зал, и этот Тартара в старых лосинах, вечно жалующийся, что мы курим во время игры с ним.

– У вас ещё есть сэр Джон Коктель.

– Слишком хитёр для меня, этот майор. Впрочем, он играет только против малыша Сиголена, который не может сдержать его ляпов, или против Педрижона, сразу же после того, как вышеупомянутый господин уже успел слишком плотно поужинать со статистками из Оперы.

– А Шинкаренкофф?

– Шинкаренкофф?? Этот якобы потомок русских казаков? У меня уши вянут от песен, которые он сочиняет, чтобы очаровать посетительниц кабаре с парижских окраин... и помешать мне сыграть карамболем. Ему и в голову не приходит, что он меня оглушает своими нелепыми звуками. И кроме того, у него всегда нога висит в воздухе. Шинкаренкофф...? Да он всё время играет с рукой за спиной. Так он скоро дойдёт до того, что сыграет своим носом

вместо кия. Но, между тем, Лолиф только что героически добыл два пункта. У нас уже двадцать девять. Ещё один, и мои десять луидоров удвоятся. На это следует посмотреть поближе, – закончил лейтенант Тревиль, выпрыгивая со стула, на который он недавно взгромоздился.

Нуантэль без всякого сожаления позволил ему уйти, хотя ему и нравился живописный язык лейтенанта Тревиля. Нуантэль, пришедший в клуб для того, чтобы его ум немного отдохнул, несмотря на этот живописный разговор не смог отмахнуться от серьёзных размышлений над письмом Ласко. И всё же, чтобы отвлечься, он положил его в карман, решив вернуться к нему попозже.

– Давай, мой мальчик, – кричал Тревиль Лолифу, склонившемуся над бильярдным столом, – попробуй сосредоточиться и быть хладнокровным. Удар невероятно прост и лёгок. Возьми немного левее в мою сторону... и помягче, пожалуйста.

– Скажите мне, Лолиф, – внезапно спросил Пребор, – правда ли то, о чём мне рассказали... что эту плохонькую актрису, которая убила д'Орсо, собираются освободить?

Вопрос был брошен Пребором непосредственно в тот момент, когда противник наносил удар после долгого прицеливания, удар, который должен был принести ему победу и солидную прибыль. И этот вопрос так глубоко затронул сердце Лолифа, что его биток даже не дотронулся до красного шара. Страсть репортёра заставила дрогнуть руку игрока, которая постыдно промахнулась в самой элементарной позиции карамболя.

Эта глупая ошибка спровоцировала бурю шумных восклицаний на галерее, но Пребор спокойно и молча позволил спорщикам выражать свои эмоции, и тут же очередью из трёх простеньких ударов набрал свои тридцать три очка.

– Чёрт возьми! – воскликнул полковник, бешеным взглядом смотря на несчастного Лолифа, – Вы что, сделали это нарочно? Следовало бы меня предупредить заранее, что вы чувствительны, как женщина, и я не потерял бы сорок франков.

– Лолиф сыграл, как извозчик, – кричал Тревиль, – но Пребор не имел права задавать ему вопрос под удар. Так нельзя делать.

– Ещё бы... если бы он только и делал, что говорил со мной, – жалко шептал побеждённый Пребором Лолиф, – это пустяк... но задавать подобный вопрос... мне... тому, кто знаком с делом Меркантур в мельчайших деталях и кто прекрасно знает, что никто не собирается выпускать подозреваемую в убийстве...

– Нет, это не правильно, – сказал лейтенант. – И, при честном судействе, все должны согласиться, что эта часть партии должна быть аннулирована.

– А я возражаю, – воскликнул Верпель, который держал пари на Пребора. – В правилах бильярда не записано, что в него играют немые. Сиголен, мой дорогой, вы мне должны двадцать луидоров!

– Здесь идёт речь не о правиле, а о том, чтобы решить, позволено ли беспокоить игрока в момент, когда он наносит свой удар. Если ему задать вопрос в момент нанесения удара по той теме, которой он жгуче интересуется, это равносильно толчку по руке. В связи с этим хотелось бы услышать мнение капитана Нуантэля.

– И мне тоже, – поддержал его Тартара. – Итак, что вы думаете об этом случае, Нуантэль? Станьте нашим мировым судьей!

– Клянусь честью, месье Тартара, мне кажется, что нет правила, регулирующего этот случай, а значит месье Пребор имеет право утверждать, что он выиграл. Остаётся только такой небольшой, но, между тем, весьма щепетильный вопрос лояльности и этики, который может быть оценён несколькими способами.

– Что вы подразумеваете под этим словом? – спросил Пребор, внезапно, вполне ощутимо, побледневший.

– Всё то, что вам понравится услышать, если у вас хватает чести не понимать этого, – ответил Нуантэль, пристально смотря на Пребора.

– Господа! Господа! – Воскликнул Лолиф, родившийся, по-видимому, в рубашке, которая возложила на него обязанность примирять всех и вся, – Возьмитесь за меня, прошу вас! Месье Пребор, безусловно, не имел дурного намерения, и я сожалею, что стал причиной ссоры, так что я предпочёл бы взять на себя расходы о всех пари, которые вам принесли убытки.

– Успокойтесь, мой дорогой, ваши деньги останутся в ваших карманах, – ответил ему капитан, пренебрежительно улыбаясь.

Фат Пребор же, казалось, опасался даже малейшим жестом или словом подтолкнуть всех на дальнейшее выяснение отношений. Он быстро подошёл к маленькой группе друзей, которые ставили на него во время игры и хотели только одного – побыстрее похоронить это дело и получить причитающиеся им деньги. Ну, а в планы Нуантэля также не входило дать ход назревавшей ссоре. Ещё не настал час для того, чтобы закончить выяснение отношений с Пребором у подножия дуэльной стены. Капитану было достаточно публично показать, что из себя представляет этот персонаж, и он не добавил ни слова к уроку, который он только что преподавал наглецу.

Лолиф, впрочем, не дал капитану времени изменить это решение. Не прося реванша, которого его противник ему и не предлагал, он схватил Нуантэля под руку и буквально уволок его в маленькую курительную комнату, которая сообщалась с бильярдной, а Нуантэль позволил ему это сделать, хотя ради этого ему пришлось отказаться от отдыха, который он обещал себе ещё совсем недавно. Он прекрасно понимал, что Лолиф его уводил из игровой комнаты только для того, чтобы поговорить о преступлении в Опере, и что сейчас он обрушит на него ливень из незначительных новостей и дурацких слухов, но капитан смирился, ради дружбы с Дарки, риску подвергнуться этому напору дурацкой болтовни. Иногда находятся жемчужины в устрицах за обедом и ценные указания в речах дурака.

– Мой дорогой, – произнёс Лолиф, придав своему детскому лицу на взрослом теле значительное выражение, – я спрашиваю себя, где Пребор мог услышать, что мадемуазель Меркатур будет освобождена.

– Нигде, мой дорогой друг, – ответил ему капитан. – Эта речь имела лишь один смысл – расстроить вас и заставить дрогнуть вашу руку во время решающего удара.

– Такое вполне возможно... у Пребора есть такая манера игры, которая мне совершенно не нравится, но я не это имел в виду. Я знаю, что вы интересуетесь грядущим большим процессом, находящимся сейчас в стадии досудебной подготовки и который, безусловно, в скором времени увлечёт весь Париж.

– Я...!? Интересуюсь...? О...! Весьма незначительно, уверяю вас. Мне хватает тех новостей, которые я читаю в утренних газетах.

– Не поверю, что вы не можете быть так безразличны к этому событию, хотя бы из-за вашего друга Дарки, который просто обязан пылко желать, чтобы убийство мадам д'Орсо не осталось безнаказанным. Итак, хотя он и племянник следователя, я уверен, что он не информирован столь же хорошо относительно расследования этого дела, как я.

– Не сомневаюсь в этом, ведь его дядя категорически отказался сообщать ему хоть одно слово из того, что происходит в его кабинете.

– И месье судья, и одновременно дядя вашего друга, безусловно имеет на это право. Именно такой судья... старой породы... железной закалки и хватки, как месье Роже Дарки, просто необходим Франции, чтобы раскрыть это запутанное дело. Он великолепно знает свои обязанности и ничто не заставит его пренебрегать ими. Но я... я то не связан присягой, как он. А моё молчание было абсолютным до тех пор, пока судья не заполучил мои показания и не запротоколировал их, так что теперь, когда я их ему дал, я уже полностью свободен и имею право рассказать моим друзьям о том, что мне известно.

– Согласен с вами, Вы вольны сделать это совершенно свободно.

– Итак, мой дорогой Нуантэль, я не терял времени зря и у меня больше нет тайн от следствия. Знайте же, что я вступил в контакт с кем-то, имени которого я вам не назову, потому что пообещал ему неприкосновенную скромность с моей стороны...

– Взамен нескромности?!

– Но... да... Вы понимаете, что если бы стало известно, что это именно он мне предоставил эти сведения, этот человек потерял бы своё место. Я не хочу причинить ущерб доброму отцу одного приличного семейства, и затем, будьте уверены, что он не сказал бы мне больше ничего и мои деньги пропали бы без пользы. Как вы подозреваете, признания этого служащего не бесплатны, и они мне уже и так стоили больших трат.

– Идёт речь лишь о том, чтобы знать, стоят ли они тех денег, что вы за них заплатили.

– Судите сами... Вот то, что произошло с памятного воскресенья, день за днём. Вчера, в понедельник утром, состоялся обыск по адресу мадемуазель Меркантур, и там был обнаружен фрагмент письма, в котором мадам д'Орсо назначала певице встречу на бале в Опере.

– В котором часу? – Спросил Нуантэль, который не видел Дарки накануне и поэтому не мог узнать у него таких подробностей.

– Мой человек мне об этом ничего не сказал, а я и не подумал о том, чтобы спросить его об этом. Впрочем, мне кажется, что час встречи почти не важен, достаточно имеющегося у следствия доказательства того, что подозреваемая действительно отправилась на назначенную ей встречу на бал в Опере.

– Это справедливо, – ответил капитан, который думал совсем наоборот, но решил не возражать, чтобы вытянуть из Лолифа новые сведения.

– Итак, это уже доказанный факт, что девушка пошла на бал Оперы. Вчера, во второй половине дня, её допросили по этому поводу, но она продолжала упорствовать в своей системе защиты, которая состоит в том, чтобы не отвечать ни на какие вопросы.

– Не самая плохая система. Молчание – золото, как гласит известная пословица.

– Пословица ошибается на этот раз. Подумайте, что перед очевидностью фактов для юстиции молчание должно равняться признанию своей вины.

– Я так не думаю! Всегда есть время заговорить. Если бы я был обвинён в совершении какого-нибудь преступления, я не сказал бы ни слова в кабинете судьи и открыл бы рот только в присутствии присяжных заседателей во время судебного заседания.

– Мадемуазель Меркантур придерживается, судя по всему, вашего мнения и метода, так как до настоящего времени месье судья Дарки не сумел получить от неё совершенно ничего... ни исповеди, ни объяснения её поведения, но, извините меня, факты говорят сами за себя. Она могла бы сказать, например, что не пошла на встречу, назначенную ей Джулией д'Орсо, но, к несчастью для неё, вчера у комиссара, очень умного малого, между прочим, возникла идея просмотреть регистр объектов, потерянных в последнее время на улицах Парижа и помещённых на сохранение в Префектуру. Там он увидел запись, в этом самом регистре, о домино и чёрной полумаске, найденных в общественном месте в ночь с субботы на воскресенье. Месье Роже Дарки немедленно был извещён об этом факте, и он уже дал необходимые распоряжения, которые были незамедлительно исполнены. Тем же вечером была установлена торговка поддержанными вещами, которая продала эти объекты... продала, заметьте, а не сдала в аренду, и она их сразу же признала. Домино с капюшоном было не новое, так что это легко было узнать по некоторым характерным деталям. Сегодня утром, в девять часов, была проведена очная ставка с подозреваемой, и торговка сразу же опознала в ней покупательницу домино и полумаски.

– А подозреваемая? Она это отрицала?

– Нет... Мадемуазель Меркантур довольствовалась лишь тем, что постоянно плакала, ведь она не могла отрицать очевидного. Торговка ей напредила все обстоятельства покупки,

которая была совершена днём в субботу, так что теперь больше нет ни тени сомнения в присутствии мадемуазель Меркантур на бале Оперы.

– Согласен с вами, мой друг, что она, разумеется, купила домино и полумаску не для того, чтобы пойти давать урок пения всяким парижским недорослям.

– А для того, чтобы не отдавать их назад, что ей непременно пришлось бы сделать, если бы она их арендовала, и иметь возможность затем беспрепятственно избавиться от изобличающих её предметов.

– Избавиться... но как?

– Выбросив их из окна фиакра, на котором она возвращалась с бала. Эту карету ещё не обнаружили, но её усердно ищут.

– И где было подобрано это рубище?

– Ах, где...?! Дайте время вспомнить... Пожалуйста. Два полицейских, совершавших свой регулярный ночной обход, нашли его на бульваре Вилет, на углу с улицей Бьюиссон-Сент-Луи. Это любопытно, не правда ли?

– Скажите лучше, что это необъяснимо. Если эта девушка по фамилии Меркантур убила Джулию, она должна была поспешить вернуться к себе домой после её убийства, но что она, чёрт возьми, собиралась делать на окраине Бельвиля, в совершенно другой части города?

– Это такая женская хитрость, чтобы запутать следствие.

– Таким образом вы считаете, что она, следовательно, заранее предусмотрела, что её арестуют на следующий день. А не было бы намного проще спокойно возвратиться домой, сняв домино в фиакре, если она опасалась быть увиденной своим портье, и пойти на следующий день вечером на прогулку с этой уликой в сумке и выбросить вышеупомянутое домино куда-нибудь в Сену, или на пустыре, или даже за пределами города?

– Мой дорогой Нуантэль, представьте себе, что преступники частенько не делают столь сложных умозаключений. Девушка Меркантур торопилась избавиться от компрометирующего её костюма, она не хотела его выбросить в своём квартале и...

– И девушка отправилась избавляться от него в другой конец Парижа. Чтобы вы ни говорили, это совсем не естественно и, был бы я на месте месье Роже Дарки, то начал бы расследование о связях, которые мадемуазель Меркантур могла иметь в окрестностях Виллетт или Бютте-Шомон.

– Это как раз то, что он непременно сделает, не сомневайтесь в этом. Но признайтесь, что я вам сообщил много нового. Дарки будет очень доволен, когда вы ему расскажете о услышанном только что от меня, благодаря чему в настоящее время уже ясно, что обвинительный приговор в отношении этой Меркантур будет совершенно неоспорим в суде.

– Идиот! – Подумал Нуантэль, смотря на Лолифа, который выпятил грудь колесом, надувшись спесью, словно индюк на выпасе, и он спросил его с нарочито безразличным видом: «Знаете ли Вы час, который был указан в протоколе о времени этой находки?»

– Клянусь честью, нет! Боже, как я мог не подумать о том, чтобы об этом осведомиться. Но следователь должен знать это время. Он не пропустит ничего, ни одной детали, это я вам могу смело утверждать. Даже наиболее незначительные на первый взгляд детали этого преступления собраны им со всевозможным тщанием.

– Отлично, но попытайтесь, всё же справиться об этом у вашего осведомителя и доставьте мне удовольствие, сообщив это время, когда оно станет вам известно.

– Ах! Ах! Что я вижу! Вы почувствовали вкус к профессии следователя, которая так меня увлекает. Bravo! Мой дорогой Нуантэль. Попрактикуйтесь в ней немного, и вы сами себе признаетесь, что в мире нет ничего более увлекательного. Это, как вкус выдержанного Порто!

– Это – дело вкуса, – прошептал капитан, притворяясь что его душит зевота. – но я... я не люблю никаких проблем. Это мой принцип ещё со времён моей подготовки к поступлению

в Сен- Сир², и я вас охотно слушаю, когда вы так увлекательно рассказываете об этих вещах, потому что вы действительно знаете то, о чём говорите, но, через четверть часа мне это занятие уже изрядно надоедает. Давайте возвратимся в бильярдную, мой дорогой Лолиф. Я испытываю настоящую потребность опустить своё тело на мягкую банкетку и немного подремать под приятный шум карамболя.

Лолиф огорчённо вздохнул, так как он надеялся в тот момент, что Нуантэль собирается разделить с ним его страстишку к частному сыску, но комплимент капитана затмил горечь отказа от сотрудничества.

Нуантэль же, возвращаясь в зал, говорил себе:

– Этот дурачок и не подозревает, что указал мне только что на момент, наиболее интересный для проверки. Если было менее трёх часов ночи, когда полицейские нашли это дурацкое домино, мадемуазель Меркантур была бы спасена, так как считается доказанным, что домино принадлежало ей, и что Джулия была убита в три часа ночи. Так что я сам справляюсь о времени, когда была сделана эта находка, если Лолиф не расскажет мне об этом раньше.

И капитан, забыв о расследовании, стал думать, тем временем, о предстоящем ужине, пользуясь паузой, которую он выиграл, избавившись от Лолифа. Он обещал себе позже нарушить запрет на посещения, который якобы наложила на него, по утверждениям Ласко, мадам де Брезе, а пока что капитан поздравлял себя с тем, что мог располагать сегодняшним вечером по своему усмотрению. Он подумывал об ужине в клубе, чтобы затем направиться в любое место, куда приведёт его фантазия, если только не объявится Дарки с внеочередной работой, относящейся к их уже общему большому делу, расследованию этого становящегося всё более и более странным убийства в ложе парижской Гранд Опера.

Бильярдная партия к тому времени возобновилась. Молодой барон Сиголен, рискованный, но неудачливый повеса, играл против майора Коктейля, который ему позволял регулярно набирать двенадцать очков, после чего тут же проделывал победоносную серию из шестнадцати ударов подряд. Тревиль, обуянный приступом патриотизма, убеждал всех держать пари на барона, и накидывался, как сокол на голубя, на Альфреда Ланвэ, который, не имея национальных предубеждений, поддерживал не Францию, а Англию. В углу бесился полковник Тар-тара, до сих пор ещё не переваривший последний удар Лолифа, а Кулибеф рассказывал Педрижону, как однажды в клубе Орлеана он исполнил карамболь семьдесят девять раз подряд, на что Педрижон, который его не слушал, рассказывал ему, в свою очередь, новости о провинции Дежазе. Пребор и Верпель исчезли, и добряк Шармоль, шансонье кабаре, последовал за ними.

Лолиф, ещё не совсем оправившийся от своего недавнего позорного просчёта, робко скользил взглядом по игрокам, а Нуантэль, выбрав место, выгодное для пребывания в состоянии лёгкой мечтательности, расположился в удобном позе на банкетке и зажёл превосходную гаванскую сигару. Не успел он затянуться и трёх раз, как перед ним предстала неожиданность в образе клубного слуги с подносом, на котором лежало на этот раз не письмо, а визитная карточка. Капитан её взял и прочитал на ней имя: «Крозон»

– Уже! – Подумал он. – Неужели анонимщик успел назвать китобою имя любовника его жены? Впрочем, чего гадать, сейчас всё узнаем.

– Персона, которая передала вам эту карту, она здесь? – Спросил капитан у камердинера.

– Господин ожидает месье в приёмной... то есть не одна персона, а две, – ответил слуга.

– Как, две...? Вы мне принесли только одну карту.

– Этого месье сопровождает ещё один... человек.

² Знаменитая французская военная школа Сен-Сир (*École spéciale militaire de Saint-Cyr*) – высшее учебное заведение, занимающееся подготовкой офицеров. Девиз школы: «Учатся, дабы побеждать». Школа основано в 1802 году Наполеоном Бонапартом.

– Хорошо... скажите, что я сейчас выйду, – сказал довольно сильно удивлённый капитан, и оставил, не без сожаления, банкетку, на которой ему было так хорошо и удобно. – Кого это, чёрт побери, привезло мне это китобойное судно? – Думал он, медленно пересекая бильярдную. – «Человек»... на языке лакея это означает плохо одетого индивида. Неужели Крозон, обнаруживший, что жена обманула его с каким-нибудь негодяем из рабочего предместья, заимел причудливую идею притащить его сюда, чтобы наказать в моём присутствии? От этого бешеного ревнивца можно ожидать чего угодно. И всё равно, он мог бы выбрать время получше. Я наслаждался тем, что не думал ни о чём, а это дорогого стоит. И вот! Видно, это было предписано свыше, чтобы меня сегодня не оставили в покое.

Приёмная была расположена на другом конце клуба и, проходя через красный салон, Нуантэль заметил Пребора, беседующего с Верпелем и Шармолем.

– Нет ли у него, случайно, намерения послать мне их в качестве свидетелей для урегулирования условий дуэли? – Сказал сам себе Нуантэль. – Клянусь честью, я этим не был бы рассержен! Дуэль сейчас обеспокоила бы меня совсем немного, но сколько удовольствия доставило бы мне нанести удар шпаги в тело этого фата! Боже, я бы никогда не отказал себе в этом волшебном ощущении, когда остриё клинка проходит между рёбер такого ничтожества!

И он притворился, что передвигается нарочито мелкими шажками, и несколько раз прошёлся туда-обратно перед этим трио, чтобы им стало понятно, что к нему легко подойти, дабы урегулировать все разногласия путём дуэли. Но смуглый красавчик и его два друга сделали вид, что не заметили этих манипуляций, и у капитана, впрочем, достало мудрости не провоцировать их дальше. Он презирал таких противников, да к тому же ему не терпелось узнать, какую новость принёс ему месье Крозон.

Капитан нашёл зятя Берты сидящим прямо посредине приёмной, в шляпе на голове, с горящим ярким румянцем лицом, нахмуренными глазами и обострёнными чертами лица, словом, картина маслом, вид человека, охваченного диким гневом и старающегося изо всех сил его сдержать. За этим несчастным мужем неверной жены поместился костлявый дылда, как и все янки, каковым он несомненно был, бородатый, с пышными усами, и кажущийся сильно смущённым происходящим. Этот странный персонаж был одет в сюртук оливкового цвета, брюки из грубого голубого сукна и жёлтый жилет из овечьей шерсти. Клоун иностранный, одним словом.

– Это что за птица? – спросил себя капитан. – Он походит на траппера³ из Арканзаса, но в итальянской соломенной шляпе.

– Месье Бернаш, первый механик на борту «Полярной звезды», которой я командую, – представил незнакомца китобой хриплым голосом, сопровождая свои слова автоматическими жестами.

В любом другом случае Нуантэль посмеялся бы от чистого сердца после того, как кто-нибудь, представляясь, подал бы ему тыльную сторону ладони через грудь другого человека, но он чувствовал, что положение было серьёзным, вокруг него всё веяло грозой, и поэтому он ответил с совершенным равнодушием:

– Я очарован знакомством с месье Бернаш. Пожалуйста, объясните мне, мой дорогой Крозон, что я могу сделать для него... и для вас.

– А вы не догадываетесь? – Спросил у него моряк, поражая капитана ледяным арктическим взглядом.

– Нет, клянусь вам.

– Месье Бернаш – мой свидетель.

– Ах! Теперь я понимаю. Вы получили письмо, которого так ожидали, и сейчас вам известно, к кому вам нужно обратиться, с кем вы собираетесь сразиться, так что вы выбрали

³ Траппер (англ...trapper – ловушка) – охотник на пушных зверей в Северной Америке.

меня, чтобы на дуэли присутствовал старинный, испытанный в совместных походах товарищ, который когда-то, в незапамятные времена плавал с вами. Я могу вас только поздравить с этим выбором, и я не хочу, чтобы вы предпочли кого-нибудь другого для этой роли.

Нуантэль очень рисковал, говоря таким образом. Он опасался, что у Крозона может возникнуть идея присоединить к нему этого механика в качестве второго свидетеля, что было совсем не комильфо, так что он торопился опередить эту мысль, которая могла возникнуть у китобоя,

– Не делайте вид, что вы ничего не понимаете, – грубо закричал ему китобой. – Это с вами я хочу сразиться на дуэли, и я привёл Бернаша, чтобы мы покончили с этим делом сразу же. У вас должны быть здесь друзья, так что пошлите за кем-нибудь из них, поищите одного, кто станет вашим свидетелем, и поедem, не мешкая. Место дуэли по вашему выбору, равно как и оружие. У меня внизу, в фиакре, есть шпаги, пистолеты и сабли, всё, что может потребоваться на поединке.

Капитан мгновенно рухнул на землю с высоты своих ложных умозаключений, но в то же время стал понимать происходящее, и был совершенно не взволнован выявленной переменной диспозиции.

– Почему вы хотите сразиться со мной? – Спросил он спокойно Крозона.

Китобой вздрогнул и процедил сквозь зубы, – Вы изволите шутить. Это вам будет стоить дорого, не сомневайтесь.

– Я не шучу, месье. Я никогда не был более серьёзен, чем сейчас, и я вас прошу ответить на вопрос, который я вам только что задал.

– Вы меня вынуждаете объясниться и стараетесь от меня услышать то, что вам прекрасно известно. Хватит! Это всего лишь ещё одно оскорбление, и я хочу заплатить по всем моим счетам одновременно, так как я хочу вас убить... немедленно, слышите ли Вы?

– Вполне... но почему?

– Потому что это вы были любовником моей жены.

Нуантэль принял это экстравагантное заявление с таким же спокойствием, с каким он прежде получал снаряды, брошенные орудиями Круппа в его сторону во времена Прусской компании. Другой на его месте бы вскрикнул и принялся оправдываться, но капитан взялся за дело другим способом, гораздо более эффективным.

– Если бы я утверждал, что это не правда, вы бы мне всё равно не поверили, я предполагаю, – произнёс он не без всякого волнения.

– Нет, и я вас заставлю сэкономить на показаниях, так что не продолжайте меня обманывать. Как вы хотите меня убедить... заставить вас поверить? Вы мне сами заявили всего два часа тому назад, что в подобном случае порядочный человек всегда отрицал бы всё и вся!

– Да, я это говорил, и не отказываюсь ни от одного своего слова... и могу их только повторить. Но вы, как порядочный человек, должны так же допускать, что ваше обвинение может быть ложно.

– Нет, потому что никто в Париже не может заинтересован в том, чтобы назначить вас любовником моей жены.

– Что вам об этом может известно? Вы что, знаток парижской жизни? У меня есть враги, и я знаю одного, между прочим, очень даже способного таким способом постараться освободиться от меня, не рискуя своей жизнью. Заметьте, прошу вас, что я не протестую, что я не спорю, и... между прочим, не отказываюсь удовлетворить ваши претензии.

– Именно это всё, что мне нужно. Приступим.

– Сейчас, только позвольте мне закончить. Я буду краток. Вы получили, как я вижу, новое письмо этого странного типа, который не прекращает уже три месяца разоблачать якобы проделки вашей жены, и на этот раз он решил именно меня назначить объектом вашей мести, а посему я имею право у вас спросить, подписано ли это письмо и, если это так, я могу потре-

бовать, чтобы вы меня сопроводили к его автору для того, чтобы вынудить его признаться в вашем присутствии в том, что он меня так трусливо оклеветал. Этот негодяй будет вынужден признаться, я вам за это отвечаю, и я его заставлю проглотить его эпистолу, если он отклонит дуэль до смерти, которую я ему назначу.

– Письмо не подписано.

– Я и не сомневался в этом! Тогда мне не остаётся ничего другого, кроме как взяться исключительно за вас, за того, кто поверил анонимному обвинению, выдвинутому против меня подлым трусом. И если вы со мной искали только повод для ссоры, именно у вас я попрошу удовлетворение, так как вы меня обвинили в подлости, предполагая, что я вас обманул... вас, кто был моим товарищем, почти другом... и этим вы больно меня оскорбили.

– Такие измены очень распространены в мире, где вы живете.

– Это возможно, но то, что не допустимо ни в каком мире, так это способ, которым я сегодня пользовался, заставляя вас рассказывать о ваших домашних неурядицах, при условии, если бы я сам был их причиной. Счесть меня способным на столь низкую акцию – это значит лишь одно – оскорбить меня, и я вам ещё раз повторяю, что не потерплю подобных оскорблений. Следовательно, нам необходимо сразиться на дуэли.

– В добрый час! побыстрее найдите свидетеля и давайте уже поедem на место схватки.

– Прошу прощения! Я ещё не закончил. Я стараюсь донести до вас одну простую мысль, прежде чем мы последуем к месту дуэли. Вы уверены, что убьёте меня. Но я, со своей стороны могу утверждать, что вы не сможете этого сделать. Вы прекрасно владеете всеми видами оружия, но я то ещё лучше, смею вас уверить.

– Посмотрим, – пробормотал моряк, от нетерпения шаркая ногами по паркету.

– Вы скоро в этом убедитесь, потому что я вас не убью, хотя для меня это не представляет никакой проблемы, а только раню, дабы отучить от низменных подозрений в моей якобы подлости, а затем я потружусь вам доказать, что обвинение, которое вы столь легко посмели допустить в отношении меня, невероятно абсурдно, и что я не только никогда не был любовником вашей жены, но вообще её никогда в своей жизни не видел. Теперь, когда я сказал всё, что хотел, я готов за вами следовать в выбранное вами место. Позвольте мне только пойти и взять друга, которого я хотел бы иметь в качестве свидетеля, и в скромности которого я уверен, чтобы всё произошедшее осталось в тайне.

Китобой, казалось, немного заколебался, поскольку заключительная часть речи капитана произвела на него некоторое впечатление, но он был не из тех людей, которые отступают, выдвинувшись настолько вперёд в своей атаке на противника, и Крозон сделал знак Бернаше следовать за ним. Механик не обладал острым умом и лёгкой речью, но у него хватило здравого смысла на то, чтобы рискнуть поделиться своим разумным наблюдением о разворачивающейся перед его глазами картиной.

– Я бы на твоём месте, мой старый друг Крозон, – робко сказал он, – прежде чем отправляться драться с этим господином, который не боится этого не меньше, чем ты, поскольку это видно невооружённым взглядом, попросил бы его сделать то, что он обещал... до драки, а не после неё.

– Что ты мне там поёшь? – Проворчал морской волк.

– Она очень легка для понимания, эта моя песня. Господин заявляет, что он не видел никогда в жизни твоей жены, и я схватился бы лучше за огонь, чем признался, что он лжёт. Но, поскольку ты отказываешься поверить в речь этого офицера, почему ты не попросишь его доказать тебе, что он говорит правду?

– Интересно узнать, как бы он это сделал? – спросил Крозон, пожимая плечами.

– Чёрт возьми! Мне кажется, что это очень просто, – ответил разумный механик. – Твоя жена не знает ничего о том, что происходит сейчас, не правда ли? Ты ведь ей никогда не говорил о месье?

– Нет... Ну и что?

– Она всё время дома, потому что больна... и не в состоянии выходить в город, а следовательно, она не могла за тобой проследовать и узнать, чем ты занимаешься...

– Нет, сто раз нет!

– Итак, я думаю, что если бы мы втроём отправились посмотреть на неё, и ты бы ей представил месье, как своего товарища, то по выражению её лица ты бы действительно узнал... знакомы ли они.

– Прощу прощения, месье, – прервал их беседу Нуантэль, – я не знаю, будет ли принято ваше предложение месье Крозоном или нет, но я бесповоротно отказываюсь подчиняться испытаниям такого рода. Я нахожу ниже моего достоинства играть комедию, которая, впрочем, не привела бы к результату, на который вы надеетесь. Мадам Крозон не испытала бы никакого волнения, увидев меня, так как я ей абсолютно неизвестен, но месье Крозон мог бы полагать, что она скрыла от него свои впечатления. Именно такими средствами я не намерен убеждать его в своей невиновности... лучше я преподам ему урок... которого он заслуживает.

Капитан маневрировал в этой беседе с редкой ловкостью, и он заранее просчитал досягаемость своих речей до ушей морской братии, которые, казалось, были устремлены не к тому, чтобы успокоить взбешённого моряка и его друга, а наоборот, произносились специально для того, чтобы ещё сильнее его раздражить. Капитану был прекрасно известен характер ревнивцев, он знал, что они не остановятся на полпути, если уже решили реализовать задуманное, и понимал, что единственный способ лишить Крозона возможности убить свою жену – это вывести его из строя на дуэли.

Но, в то время, пока он произносил свои слова, неожиданная перестройка сознания происходила голове обманутого мужа, который, казалось, наконец-то начал размышлять. Он долго колебался, этот несчастный муж, и ему нужно было сделать непривычный шаг назад, чтобы продвинуться вперёд, и китобой был настолько пораждён спокойствием и хладнокровием, которые демонстрировал Нуантэль, что, наконец-то, воскликнул:

– Вы не хотите испытать средство Бернаше... и вы утверждаете, что у вас есть другой способ доказать мне, что я вас обвинил несправедливо. Следовательно, скажите, что это за средство.

– Зачем? Нет.

– Если вы мне его не сообщите, то это будет означать лишь одно: вы прекрасно понимаете, что ваши доводы не смогут меня убедить в вашей правоте.

– Я бы вас в ней легко убедил, но для этого мне, возможно, потребовалось бы некоторое время, а вы, кажется, не расположены ждать. Да и я также. Так что давайте закончим с этим фарсом. У вас карета внизу?

– Времени? Как это, времени...? Объяснитесь.

– Вы действительно этого желаете? Ладно, но признайтесь, что я оказываю вам любезность. Итак, если бы вы были человеком хладнокровным, я предложил бы вам показать мне анонимное письмо, которое вы получили только что. Вы раньше предлагали мне показать и другие, более ранние. Вы на самом деле можете это сделать?

– Без сомнения... и что произойдёт, когда вы их увидите...? Что это изменит?

– Когда я их увижу, случится одно из двух: либо я узнаю почерк вашего любезного корреспондента и, в этом случае, мы пойдём к нему вместе с вами, вместе, не теряя ни одной минуты, и вынудим его признать, что он лгал... или я его сразу не опознаю, и тогда я начну расследование, которое закончится, я в этом уверен, установлением личности этого негодяя. Именно один из моих тайных врагов сделал это, а их у меня только три или четыре. Я бы обязательно отыскал единственного автора этого письма из числа этой четвёрки, но это было бы слишком длинной историей. Давайте не будем больше говорить об этом.

Крозон ещё немного поколебался, а затем внезапно вытащил бумагу из своего кармана, и протянул её Нуантелю, который испытал, бросив на неё взгляд, наиболее живые эмоции за последнее время, сравнимые разве что с теми, что он ощутил, узнав о смерти Джулии д'Орсо.

У писем никогда нет исключительности, бросающейся в глаза с первого взгляда. Например, скорописные бумаги, употребительные в торговле, походят друг на друга, как яблоки одного сорта в ящике, или английские, написанные растянутым почерком, таким же, как те долговязые сухопарые британские девушки, что учатся в пансионе. Но это анонимное письмо было начертано очень крупным, размеренным, с большими промежутками, почерком, такая запись доброго старого времени. Нуантелю достаточно было только взглянуть на письмо, чтобы констатировать, что почерк был ему известен, только он ещё не мог припомнить, где и когда его видел.

– Итак? – Спросил у него Крозон.

– Итак, – ответил капитан, не отказываясь от своего спокойствия, – я не могу вам немедлительно назвать имя автора этого письма, но я почти уверен, что очень скоро смогу сказать, кто его написал, особенно, если вы позволите мне его прочитать.

– Читайте... прочитайте всё вслух с самого начала. У меня нет тайн от Бернаше.

Капитан взял бумагу, которую ему протянул Крозон, и стал медленно и степенно его декламировать, как человек, который сосредотачивается, чтобы напрячь память.

Письмо было изложено следующим образом:

«Друг, который вам пишет, сожалеет о том, что ещё не в состоянии сообщить вам, где спрятан ребёнок, которым ваша жена тайно разрешилась шесть недель тому назад. Этот ребёнок был поручен ею кормилице, которая незамедлительно поменяла адрес, почувствовав, что тот, кто её ищет, чтобы оказать вам услугу, был уже готов обнаружить негодайку. Мать ребёнка, без сомнения, также узнала, что идут его поиски, и устроила всё таким образом, чтобы помешать им успешно завершиться. Кормилица ребёнка была предупреждена и смогла скрыться. Но, уверен, что она не оставила Париж, и обязательно будет найдена мною.»

– Согласитесь, – произнёс Нуантэль, – согласитесь, что, если он говорит правду, этот ваш корреспондент, то он зловещий негодай. Разоблачать падшую женщину, это подло, это гнусно, но, при этом, он имеет наглость утверждать, что это его долг и обязанность просветить обманутого друга. Но ничто при этом не накладывает на него обязательства предоставить вам ребёнка, а он обещает это сделать. Если ему известен ваш характер, то он должен понимать, что вы его убьёте, это бедное маленькое существо, которое, безусловно, невинно. Значит, эта скотина, а по другому его назвать нельзя, пытается вас толкнуть на совершение преступления.

– Пощадите меня от ваших размышлений! – Прервал его китобой, более взволнованный, чем ему хотелось бы выглядеть в глазах капитана.

– Если у этого человека такая цель, – невозмутимо продолжил капитан, – то этот негодай заслужил каторгу, и я бы охотно взял на себе задачу облегчить ему поездку на Новую Каледонию, в Нумеа. Но я полагаю, что он всего лишь бахвалится и лжёт. Аноним не нашел ребёнка, потому что его просто напросто не существует, и тогда он изобрёл эту историю исключительно для того, чтобы поддерживать вас в состоянии постоянного раздражения и напряжения, из которого он намеревается извлекать пользу для себя. Какие у него планы? Я этого ещё не знаю, но подозреваю, что он хочет вас использовать, чтобы освободить его от кого-то, чьё присутствие ему мешает.

– Читайте...! Читайте же дальше!

– Извольте, – продолжил Нуантэль, – Итак: «Подождите, пока я смогу вам показать живое доказательство измены вашей жены, но могу вас обрадовать, что уже сегодня ваш друг может сдержать обещание, которое он вам давал ранее, обещая назвать имя любовника, или скорее, любовников вашей жены, так как их было два.» – Если он продолжит в том же духе, то дойдёт до того, что обнаружит целую дюжину поклонников сердца вашей жены, – насмеш-

ливо воскликнул Нуантэль, но, увидев, что этот комментарий был не по вкусу Крозону, стал читать дальше: «Первый, а это именно тот, кто сбил её с праведного пути и кто был отцом этого ребёнка, это польский искатель приключений, называемый Гжегошем Голиминым. Этот человек претендовал на благородное происхождение и приписывал себе титул графа. Он жил в Париже, крутился в высшем свете и расходовал много денег, но на самом деле был всего лишь только обыкновенным аферистом.»

На этом пассаже капитан внезапно остановился, и не потому, что эта характеристика, данная поляку его удивляла, ведь он всегда думал, что письма, возвращённые Джулией мадемуазель Меркантур, были от польского висельника, так что тот действительно был обыкновенным аферистом, но внезапно память вернулась к нему. Он вспомнил, что этим почерком, этим красивым почерком восемнадцатого века, было написано письмо, которое он получил всего четвертью часом прежде, письмо, в котором дон Хосе Ласко его информировал о том, что маркиза де Брезе не примет его в этот день.

У капитана была в кармане эта бумага для сравнения, и любой другой человек не преминул бы предъявить её обманутому мужу, чтобы сигнализировать о подобии почерка, которое бы не оставило никакого сомнения в настоящем имени анонимщика, но Нуантэль в этом случае выказал чрезвычайное хладнокровие и присутствие духа. Ему потребовалась лишь пара секунд, чтобы оценить все последствия этой возможной декларации – Крозон, пускающийся тотчас же в погоню за Перуанцем и требующий от него предоставить доказательства измены... одним словом, бьющиеся стекла, грубая драка, ломающая все хитроумные комбинации капитана в ущерб успеху проводимого им расследования. Это ему стало понятно по окончании первой секунды, а ещё через одну он сказал себе, что будет в сто раз лучше, если он сохранит тайну этого открытия, которая неожиданно предоставляла ему рычаги воздействия на Ласко, позволяя держать этого негодяя в напряжении под угрозой разоблачения от позорных махинаций, а затем, когда настанет момент покончить с ним, отдать Перуанца во власть Крозона, доказав этому мужу с не самым лёгким характером, что его корреспондент был всего лишь подлым клеветником. У Нуантэля хватило сил скрыть известные ему факты и, улыбаясь, воскликнуть:

– Чёрт возьми! У негодяя, который вам пишет, есть превосходные причины, чтобы разоблачать графа Голимина, поскольку этот персонаж уже не может больше опровергнуть его слова и защитить себя от клеветы, так как он покончил жизнь самоубийством на прошлой неделе, это общеизвестный факт.

– Да, я знаю, это случилось накануне моего прибытия в Париж, – сказал китобой, – и на следующий день у моей жены случился нервный кризис, когда она узнала, что он умер. Но, продолжайте, я вас прошу.

Нуантэль, выслушав эти слова, сказал про себя: «Я полагаю, что мне будет трудно его убедить, что честь мадам Крозон не запятнана», и он вновь начал читать вслух: «Так называемый граф Голимин должен был несколько месяцев тому назад оставить Францию, чтобы убежать от своих кредиторов, и его отношения с вашей женой, прекратившись в эту эпоху так и не возобновились по его возвращении в Париж, где он только что закончил свою жизнь так, как заканчивают её все ему подобные, покончив с собой в петле.»

– Так заканчиваются все ему подобные! – Подумал Нуантэль, и продолжил чтение этого опуса, – «До конца этого года у вашей жены появился другой любовник.» – Отлично! Я начинаю понимать, куда этот негодяй клонит. – «Этот любовник приложил столько усилий, чтобы скрыть свою связь, что поляк был вынужден объявить Парижскому бомонду о своей новой любовнице...» – Господи, да это просто какой-то заморский шедевр, – подумал капитан, и продолжил, – «На самом деле отношения с поляком не возобновились только потому, что у вашей жены к тому времени появился новый любовник, которым она очень дорожит. Но ваш друг также дорожит возможностью сообщить вам правду и обнародовать свою находку» – прекрасная формулировка, отметил про себя Нуантэль! – «У друга, который вам пишет, было много

опасностей и трудностей на пути, пока он смог обнаружить следы этого любовника». – Я ему легко поверю. – «Между тем, я всё-таки сумел добиться успеха, и теперь уверен в обнаруженных мной фактах.»

– Мне любопытно узнать, – сказал Нуантэль китобой, – что он такого предпринял, чтобы в этом убедиться... но он не объясняет этого. И продолжил чтение – «Поэтому ваш друг спешит вам назвать имя человека, который вас опозорил. Это – бывший офицер кавалерии, оставивший военную службу для того, чтобы вести скандальную жизнь в Париже. Он сделал в столице своей профессией соблазнение замужних женщин, и ему доставляет удовольствие нести смуту и разлад в семейные очаги.»

– Какой похожий портрет! – Воскликнул Нуантэль. – Если именно обо мне идёт речь, а я в этом не сомневаюсь, то я заявляю, что ваш аноним дурак. Но, давайте взглянем на конец повествования, – «Этого ловеласа зовут Анри Нуантэль. Он живёт на улице Анжу, 125, и ходит каждый день, во второй половине дня, в Клуб на улице...» – Этот негодяй, вслух заметил капитан, исключительно дорожит тем, чтобы вы меня убили не теряя ни секунды времени. Я буду чрезвычайно удивлён, если он вам не укажет также и средства, как меня убить, не подвергая себя никакому риску. Но, нет... как я посмотрю, он ограничивает себя лишь красивой оценкой моей личности, такой вот, как эта: «Господина Нуантэля в Париже все ненавидят и презирают. И тот, кто освободит от этого человека столичный мир, получит одобрение всех его честных людей. Не нашлось бы во Франции судей, способных его осудить.» – О! Это уже чересчур! Такое заключение очень походит на подстрекательство к убийству. И это всё? Нет. Есть ещё постскриптум: «Расследование продолжается. Как только новый адрес кормилицы станет мне известен, ваш друг вас предупредит. На этом его задача будет выполнена, и вы познакомитесь с автором этого письма.» – Хорошо! На этот раз всё. Вот ваше письмо, мой дорогой, – холодно сказал капитан, отдавая моряку обвинительный документ.

– Попробуйте, по крайней мере, оправдываться, – воскликнул Крозон.

– Я воздержусь от этого. Если вы настолько ослеплены ревностью, что всерьёз воспринимаете подобный абсурд, вы, человек, которому прекрасно известен мой характер, мой старинный товарищ по морским походам, который жил практически вместе со мной в одной каюте в возрасте, когда невозможно ничего скрыть, и... если после этого вы верите столь глупой клевете...? Всё, что я мог бы вам сказать в этой ситуации, будет бессмысленно. Я предпочитаю вам ещё раз повторить, что я к вашим услугам. Давайте сразимся на дуэли, так как вы этого так страстно желаете. Я же, со своей стороны, надеюсь, что вы меня не убьёте. Я надеюсь также, что позже вы избавитесь от ваших пагубных пристрастий к анонимным письмам и подумаете тогда о том, чтобы наказать мерзавца, который под предлогом оказания вам некоей услуги, вас же и оскорбляет в каждой строчке этого гнусного письма. «У вашей жены есть любовник...» Подумайте о том, что у него нет для вас других слов, кроме этих, что слетели с кончика его пера. И я вам клянусь, что если бы я был человеком женатым, и кто-нибудь мне написал бы письмо таким стилем, у меня не было бы ни дня отдыха до тех пор, пока я не нашел бы его и не убил.

– Так назовите мне его имя, – воскликнул китобой, уверенность которого в его собственных действиях немного поколебалась этой простой и ясной для понимания речью.

– Я его вам назову, будьте спокойны... назову, прежде чем он вам укажет место, где якобы скрывают этого так называемого ребёнка, который, очевидно, на самом деле и не родился.

– Почему вы его не назовёте сейчас, если вы узнали его почерк?

– Я его не узнал, – смело ответил Нуантэль, – но меня ненавидят те люди, которые мне никогда не писали до сих пор. Я их знаю очень хорошо, этих людей, и серьёзно подозреваю Я подозреваю двух или трёх из них, вполне способных написать такого рода подмётное письмо... и я найду средство получить образцы их почерка. А потом у меня не будет необходимости даже в том, чтобы сравнивать их с вашим письмом. Буквы, которые вы мне показали только что, уже

отпечатались в моей памяти. Единственно, о чём мне необходимо предупредить вас, так это о том, что я не доставлю вам удовлетворение тем фактом, что предоставлю в ваше распоряжение этого презренного человека, как подарок. Я оставляю для себя самого удовольствие для начала слегка пощипать его кожу, как шакала, а затем насадить его на свою шпагу настолько глубоко, чтобы я смог привести его к вам в полумёртвом состоянии. Но я не собираюсь развлекаться, анонсируя вам свои прожекты и теряя тем самым ценное время. Дни в феврале очень коротки и, если мы будем продолжать этот непринуждённый разговор в том же духе, нам придётся отложить наши серьёзные дела до завтра.

– Согласен... Уже чересчур поздно. Не слишком светло и видно лишь настолько, чтобы перерезать горло только самому себе, – вдруг торопливо вступил в разговор механик, обращаясь к своему хозяину. – Впрочем, я думаю, что это не займёт много времени.

– Как! – Проворчал Крозон, – и ты тоже, Бернаше! Ты против меня?!

– Я не против тебя, но нахожу, что месье рассуждает об интересующих нас вещах очень разумно. Для начала, я уверен, что человек, который разоблачает кого-то, не подписывая при этом свои письма, это, прямо говоря, не честный парень, и благородством здесь не пахнет. И, кроме того, хорошо видно, чего он, эта собака, хочет. Уверен, что затаил злобу против месье Нуантэля и считает, что ты его убьёшь, начитавшись этих писулек. Он знает, что ты вспыльчив и хорошо владеешь всеми видами вооружений, так что он спешит совершить задуманное, пока ты не остыл и не задумался о содержании его писем трезвой головой, указывая тебе, где ты найдёшь этого господина, место, час... и всё остальное. Он явно заинтересован в стычке между вами, а это, согласись, подозрительно.

– О! Вы верно подметили, этот негодяй знает мои привычки, – смеясь, заметил капитан. – Донощику прекрасно известно, что я всегда бываю здесь от четырёх до пяти часов вечера. Но, например, он не знал, что я вам здесь назначил встречу в случае необходимости, так как он думает, что мы всего лишь бывшие товарищи, уже не поддерживающие сейчас прежние отношения. Вероятно, ему вообще неизвестно, что мы знакомы. Его смертельная комбинация явно грешит в этой точке, что, впрочем, вполне естественно. Негодяй не мог знать, что тринадцать лет тому назад я был погружен вместе с вами на судно под название «Джереми», и поэтому он игнорировал эту часть моей военной жизни, рискнув нам обоим устроить ловушку с этим своим последним письмом... и сам же в неё угодил.

Нуантэль говорил настоль спокойно, его тон был столь откровенен, а язык так ясен, что неговорчивый и нестигаемый в своей прямой уверенности в виновности Нуантэля китобой вступил, наконец-то, на путь разумных размышлений. Он попеременно смотрел то на капитана, то на своего друга Бернаше, и без труда можно было догадаться о том, что происходило в его голове. После довольно длинного молчания, Крозон внезапно произнёс:

– Нуантэль, вы ведь хотите мне дать слово чести, что вы никогда не видели моей жены?

Капитан остался стоять в позе холодного и величественного монумента, словно огромный айсберг, и ответил, тщательно взвешивая свои слова:

– Дорогой Крозон, если бы вы начали эту нашу встречу в клубе с того, что попросили у меня моё слово чести, я бы вам его охотно предоставил. Но вы предпочли начать не с этого. Уже на протяжении получаса вы меня обвиняете в очень гадких вещах и сомневаетесь в моей искренности. Я бы вас всегда поддержал в том, в чём не содействовал бы никому другому, но вы не нашли ничего лучшего, чем в конце разговора потребовать от меня клятву чести. И при всём этом вы могли бы и не поверить в моё честное слово... и, сделав это, вы бы меня серьёзно оскорбили, так что я предпочитаю не подвергаться этому испытанию. Вспомните также, что вы уже сожалеете о том, что поверили клятве, сделанной в аналогичных обстоятельствах сестрой вашей жены, мадемуазель...

– Моей невесткой! Это не одно и то же. Женщины, в отличие от мужчин, не испытывают угрызений совести, давая ложные клятвы. Вас же, Нуантэль, я знаю, как человека чести, и если вы хотели...

– Да, но я не хочу делать этого сейчас.

– Хорошо, – воскликнул моряк, убеждённый такой твёрдостью и решительностью своего товарища по морским походам, – только подтвердите мне, что всё написанное в письме не правда, что вы не являетесь...

– Любовником мадам Крозон! Но, мой дорогой, с тех пор как я сюда вошёл, я не делаю чего-либо иного, кроме как этого! – ответил Нуантэль, от души хохоча про себя при этом.

На этот раз, китобой был окончательно побеждён. Кровь прилила к его лицу, а слезы к глазам, его губы дрожали, и он дошёл до того, что устремился к Нуантелю и пожал его широкую руку, произнося при этом подавленным голосом:

– Я вас подозревал... Я был безумен... Не надо меня прощать... Я так несчастен.

– Наконец-то! – Воскликнул капитан, – Наконец-то я вновь вижу того прежнего Крозона, каким я его некогда знал, во времена наших морских приключений. Ах, чёрт возьми, я вас прощаю, мой дорогой Крозон!. Я вас чересчур люблю, чтобы быть столь злопамятным, и я уже забыл всё то, что произошло только что здесь. Единственная вещь, о которой я вспоминаю – это письмо этого негодяя, чуть не поставившего меня со шпагой или пистолетом в руке лицом к лицу со старым товарищем. И я вам обещаю, что он дорого заплатит за это, каналья.

– Хотите ли Вы взять это письмо, чтобы использовать его в своих поисках этого негодяя?

Нуантэль умирал от желания сказать: «да», ведь это письмо стало бы в его руках ужасным оружием против Ласко, но он сдержался, так как чувствовал необходимость не продвигаться в отношениях с этим недоверчивым мужем слишком быстрым темпом, и потому громко ответил:

– Будьте добры, оставьте его у себя, но не рвите, а сохраните. Я у вас его попрошу, когда найду этого мошенника, или скорее, попрошу вас присутствовать на объяснении, которое у меня будет с этим типом, чтобы сунуть ему под нос доказательство его бесчестия. Позвольте мне теперь также поблагодарить месье Бернаше. Следует признать, что во многом благодаря его вмешательству я сейчас не должен резать себе горло вместе со своим старинным другом, так что я прошу его полагать, что отныне я ему обязан и он может положиться на меня в трудной ситуации.

Судовой механик в ответ пробормотал несколько невнятных вежливых слов благодарности, но Нуантэль не нуждался в том, чтобы он объяснялся яснее. Капитан прекрасно видел, что навсегда приобрёл симпатии этого доброго малого, и, кроме того, он понимал, что завоеванием сердца месье Бернаше не следовало пренебрегать, так как тот имел некоторое, и, даже, вполне очевидно немалое влияние на Крозона, а капитан ещё не закончил всех дел с китобоем. Он хотел, напротив, почаще его видеть, в интересах мадемуазель Меркантур и её несчастной сестры, которые реально рисковали пострадать от насильственных действий её мужа с одной стороны, и зятя с другой. Крозон, моментально успокоившийся, вполне мог быть объят с минуты на минуту новым приступом ярости, мотивированным очередным разоблачительным пасквилем анонима. Кроме того, он мог также совершить какой-нибудь неосторожный ход и невольно ухудшить этим положение Берты. Нуантэль был настроен не отпускать китобоя далеко от себя, контролировать, по мере возможности, его поступки, и он немедленно начал работать над воплощением этого замысла в жизнь, ведь именно слово «работать» пришло ему на ум в этот момент, и это слово очень точно выражало его намерения.

– Дорогой товарищ, – произнёс капитан очень ласковым тоном, – так как туман в наших отношениях рассеялся, я могу с вами говорить с по настоящему открытым сердцем. Мне кажется, что вы стали жертвой отвратительной махинации. Этот негодяй, пишущий вам под-

мётные письма, вполне очевидно поставил своей целью отравить ваше существование и жизнь мадам Крозон.

– Но почему? – Спросил китобой, лицо которого снова потемнело. – У меня нет врагов... в Париже, главным образом...

– То есть, вы не знаете врагов явных. Но частенько бывает так, что находятся в жизни враги тайные. Впрочем, у этого человека есть, возможно, некий мотив ненависти к мадам Крозон. В мире всегда находятся трусы, которые мстят женщине за то, что она пренебрегла их вниманием. Это общеизвестный факт!

– Если бы это случилось, Матильда непременно бы назвала мне имя этого негодяя...

– Вы не понимаете, что назвав его, ваша супруга таким образом обязала бы вас сразиться с ним на дуэли, но честная женщина не будет, даже ради защиты от несправедливого обвинения, рисковать жизнью мужа, которого она любит.

– Которого она любит...? – Эхом повторил муж, трясая, словно блаженный, своей головой.

– Но, – продолжил Нуантэль, никак внешне не отреагировав на это выражение сомнения, проявившееся в интонации голоса месье Крозона, которое он, однако, разделял, – я, в принципе, не таким образом рассматриваю эту ситуацию. Я думаю, что аноним, по моему мнению, направляет свои усилия не против ни вас, ни мадам Крозон, но против другой персоны.

– Какой?

– Очевидно, что прежде всего он хочет устранить меня. Кажется, что я создаю проблемы для него, и он намерен ликвидировать меня... вашими руками, между прочим, мой дорогой Крозон.

– Это возможно, но... ведь не только вас он обвиняет.

– Нет... при ведь поляк уже на том свете, так что он точно старается только ради того, чтобы вы убили меня, и именно для этого он пишет свои анонимки... я уверен в том, о чём я говорю сейчас. Если вы внимательно выслушали мои слова, то увидите, как логично всё выстраивается в череде событий. Другая персона, против которой выдвинуты обвинения, это граф Голимин. Я немного знаю, как он выглядел, но ещё лучше мне известна репутация этого поляка, о чём я старался мимоходом сказать вам, и учитывая его образ жизни почти невозможно себе представить, чтобы у него была возможность встретить где-либо в Париже мадам Крозон. Он вращался в подозрительном мире, где обязательно должен был быть связан с несколькими негодьями, вполне способными не только писать анонимные письма, но и сделать ещё не одну сотню других гадостей и подлостей. Предположите, что один из этих проходцев мог быть заинтересован в том, чтобы избавиться от такого своего опасного сообщника, каковым являлся Голимин. Предположите также ещё, что этот негодяй является иностранцем, что очень даже вероятно, принимая во внимание тот факт, что Голимин так же не был французом. Все экзотические искатели приключений образуют между собой в нашей прекрасной стране кое-что вроде франкмасонства. И если предположить, что вышеупомянутый негодяй-аноним был, например, американцем, то он вполне мог вас когда-то повстречать где-нибудь в Бразилии, в Мексике, в Перу, в Калифорнии или, по крайней мере, слышать о вас в этих странах. Итак, везде, где вас знают, у вас твёрдая репутация человека решительного и бесстрашного. Все вас знают, как человека, который не способен спустить оскорбление кому-бы то ни было, что вы часто сражались на дуэли, и что вы всегда убивали или ранили ваших противников. Ещё известно... не сердитесь на меня, я вам говорю правду, что характер у вас очень жестокий, и что вам случалось иногда действовать прежде, чем размышлять.

Крозон дёрнулся, как будто хотел что-то сказать. Очевидно, он признавался сам себе, что оценка капитана была справедлива.

– Именно на этих сведениях, – повторил Нуантэль, – этот мерзкий тип выстроил свой дьявольский план. Он подумал, что разоблачая поляка, сделает из вас исполнителя своих высоких устремлений... нет, низких, грязных... работ, что, подчиняясь только своему гневу, вы

пошли бы, не утруждаясь выяснением правды, не допуская никаких объяснений, сходу в атаку на так называемого польского графа, и что вы его убили бы... либо на дуэли, либо иначе. Это было бы точно тем, чего он добивался и, чтобы попасть в цель, требуется совсем немного... лишь оклеветать одну, не безразличную вам, женщину.

– И именно об этом романе вы мне сейчас рассказываете, – сказал довольно недоверчиво муж мадам Крозон. – Но сообщник поляка... он причастен к чему? Этот поляк был атаманом шайки разбойников...?

– Я не поручусь, что это именно так, но уверен в том, что у него на совести, несомненно, куча других преступлений.

– И оказывается, что этот сообщник иностранца меня знает! Он даже знает, что я женат! Вы предполагаете очень много вещей. И затем, почему он не назвал мне сразу имени этого Голимина? Почему он ждал моего возвращения в Париж, когда Голимин уже умер?

У возражений этого морского волка была некоторая ценность, но она ни на секунду не озадачила бравого капитана.

– Это очень просто, – ответил он. – Негодяй не разоблачил Голимина в первом письме, которое вы получили в Сан-Франциско, только потому, что вы могли бы, прежде, чем возвратиться во Францию, написать какому-нибудь своему другу в Париже и попросить его навести справки об этом поляке, и этот друг не преминул бы вам ответить, что в этих обвинениях отсутствует всякое здравомыслие. Любезный доселе вашему сердцу прощелыга и негодяй, протянувший вам капкан вместо руки, готовил решающий удар к вашему прибытию во Францию, резонно полагаясь на результаты неожиданности этого самого удара и вашего внезапно вспыхнувшего гнева, он не хотел вам оставить время для здравых размышлений, которое, несомненно, нашлось бы у вас во время длинного морского перехода. Теперь, давайте рассмотрим факты, о которых нам стало известно затем, и если вы исследуете их внимательно, то всё великолепно объяснится. По странному случаю, а жизнь ими полна, этими случаями, Голимин неожиданно кончает жизнь самоубийством и, заметьте, в доме у женщины-содержанки, которую он обожал, и убил он себя потому, что она отказывалась последовать за ним за границу. Вот ещё одно новое доказательство того, что этот персонаж был безмерно увлечён другой женщиной и не занимался мадам Крозон, вашей супругой. Итак, Голимин мёртв, и у вашего негодяя-корреспондента нет больше нужды опасаться его. Что он делает тогда? Вы когда прибыли в Париж, в какой день?

– Во вторник.

– А поляк, как известно, повесился в понедельник. Аноним должен был быть информирован о вашем прибытии, которого он, разумеется, ждал. Между тем, он выжидает целых четыре дня, до субботы, не написав вам ни строчки. Почему? Негодяй задумался, он спрашивает себя, какую новую комбинацию он мог бы вытащить из своих гнусных сочинений, чтобы они не пропали даром. Маховик запущен, но он не будет дробить больше Голимина, ведь тот и без того уже мёртв, а вот проделанная работа против поляка ещё может сослужить службу, её можно использовать в других целях. Ваш гнусный корреспондент говорит себе, что по парижским мостовым ступает и нога другого человека, который мешает ему почти так же, как Голимин, и что он может убрать этого человека вашими руками. Негодяй ещё немного выжидает, искусно поддерживая ваш гнев этой смешной детской историей, на которую, позвольте мне вам об этом вам сказать, мой дорогой Крозон, вы не должны были обращать никакого внимания. Он вас готовит в течение трёх дней в вашем собственном соке, простите мне это выражение, поскольку в оригинале *messe de Bismark* применил его по отношению к другим парижанам. И наконец, когда негодяй решил, что настал час раздуть бурю, он меня разоблачает в ваших глазах, меня, кто является для него вторым после Голимина человеком, мешающим ему жить в Париже, и он заботится о том, чтобы сообщить вам, что меня сегодня можно найти в клубе от четырёх до пяти часов дня. Он выбрал день, когда точно знает, что я буду там. И, как ему

казалось, он предусмотрел всё, что может здесь произойти... ваш немедленный визит, неизбежная дуэль из-за ярости с вашей стороны. И ему также известно, что я тоже я не очень терпелив. Так что, как вы видите, мой дорогой товарищ, расчёт этого подлеца был точен. Но он не мог предусмотреть, что мы в этот момент можем совещаться с уважаемым и достойным месье Бернаше, вашим свидетелем в возможной дуэли, так что сейчас он, вероятно, потирает свои грязные руки и смеётся исподтишка. К счастью, ему было неизвестно, что мы давно знаем друг друга, и что мы бы в любом случае объяснились бы, прежде чем драться на дуэли.

– Лучше и не сказать, – промолвил с энтузиазмом смелый механик, которого Нуантэль только что так искусно похвалил. – Крозон, мой старый приятель, тебе нужно сделать только одну вещь – обнять сначала капитана, а затем и твою жену.

Крозон был, вполне очевидно, тронут этими словами, но ещё не убеждён в их правоте, и это сказалось в его ответе на них:

– Да, прошептал он, – всё это очень даже может быть... лучше не спрашивать, а поверить вам, и однако в ваших доказательствах есть моменты, которых я не понимаю. Объясните мне, почему в письме разоблачают Голимина. Ведь он умер... а злодей, который писал мне письма мог больше не опасаться этого поляка. Зачем писать о нём? И почему он вас не обвиняет... вас... живого... вас, кого он хочет убить... почему он вас не обвиняет также в том, что вы являетесь отцом этого ребёнка?

– Потому что это обвинение было бы слишком абсурдно, оно не согласуется с этим изобретением ребёнка, скрытого якобы у кормилицы, за которой гоняются по всему Парижу и которая искусно меняет адрес за адресом, чтобы ускользнуть от шпиона, усердно разыскивающего её. Давайте посмотрим искренне на такое предположение! Можете ли вы допустить, что, если бы я был бы отцом этого ребёнка, то не принял бы меры предосторожности получше? У меня достаточно средств, чтобы отправить в провинцию или за границу незаконнорождённого ребёнка, если бы случилось такое несчастье и он у меня появился. У меня также хватило бы чувств и любви к нему, чтобы разместить его у себя дома. И аноним знает, что я никогда не проявлял малодушия. Тогда он и приписал это отцовство Голимину, больше не имеющему возможности защититься от этой лжи. Но суть в том, что этот ребёнок не существует... и не существовал никогда. Эта сказка была вытащена на свет божий только для того, чтобы вас сильнее разгневать, как я вам об этом уже говорил. Вы могли бы также меня спросить, почему ваш корреспондент меня не поставил с самого начала на первое место в своих инсинуациях. Ничто ему не мешало вам написать в Сан-Франциско, что у мадам Крозон было два любовника, а не один. Вы, конечно, способны убить обоих, а не одного. Но, вот в чем дело... этот человек три месяца тому назад ещё не занимался мной, у его ненависти, которую он питает ко мне, очень недавнее происхождение.

– Так вы его, значит, всё-таки знаете! – Воскликнул китобой.

– Я думаю, что знаю, но у меня ещё нет абсолютной уверенности, я лишь предполагаю. Он мне не никогда не писал никаких писем. Следовательно, нужно, чтобы я достал себе несколько образцов его почерка, а на это потребуется некоторое время, так как у меня мало возможностей его встретить. В этом случае нужно действовать аккуратно, чтобы избежать неверных действий, чтобы он не заподозрил, что его грязные делишки могут раскрыть. Предоставьте мне небольшую отсрочку и позвольте маневрировать самостоятельно, по моему усмотрению. Я уверен в том, что достигну успеха, и заставлю эту мерзкую личность признать перед вами, что он лгал.

Крозон молчал. На его лице можно было явственно прочесть, что он ещё колебался между сомнением и доверием. И в результате доверие победило.

– Хорошо! – внезапно сказал китобой, – возьмите это письмо. Будет лучше, если оно будет храниться у вас, чтобы вы могли изобличить этого бандита, так как только в этом случае

у вас будут доказательства его вины, только я прошу вас действовать быстрее. Когда вы мне докажете, что он клеветал на мою жену, вы вернёте мне жизнь.

На этот раз Нуантэль не заставил себя долго упрашивать принять письмо, которое моряк ему предлагал, так как он чувствовал, что предложение это было сделано без всякого злого умысла, и капитан без лишних слов положил прозу дон Хосе Ласко в своё портмоне, ставшее к тому времени хранилищем вещественных доказательств, поскольку в нём уже покоилась записка, найденная мадам Мажоре, и чтобы показать, как высоко он оценил поступок месье Крозона, Нуантэль сказал ему:

– Теперь, дорогой мой товарищ, когда все недоразумения улажены, я могу принять, в качестве жеста примирения... если вы согласны, предложение, сделанное мне месье Бернаше в тот момент, когда я не был расположен подчиняться предложенным мне испытаниям. Итак, не хотите ли вы меня представить мадам Крозон? Я готов вас сопровождать к ней.

Моряк побледнел, но теперь уже от радости. Нуантэль шёл навстречу его желанию, сильно будоражившего его сердце, которое ревнивец, почти усмирённый к тому времени, не осмеливался выразить вслух, так как он ответил взволнованным голосом:

– Спасибо. Вы – добрый малый... вернее, старинный товарищ. Вы угадали, что я ещё не излечился от своей болезни окончательно. Пойдёмте со мной!

По правде говоря, Нуантэль прекрасно провёл бы этот вечер и без посещения мадам Крозон, так что, если он и предложил моряку это доказательство своей невиновности, то это было лишь актом милосердия, ведь посещение дома моряка ему не доставляло никакого удовольствия. Но Нуантелю было жалко смотреть на страдания этого бедного ревнивца, и главным образом, страдания его несчастной жены. Он говорил себе, что после этого решающего испытания китобой окончательно успокоится и откажется от своей жестокой идеи убийства матери и её ребёнка. Кроме того, он надеялся почерпнуть из этого посещения жены китобоя что-нибудь полезное, что может ему пригодиться в его дальнейших изысканиях, направленных на защиту несчастной и трогательной своей беззащитностью заключённой из Сен-Лазара. Но было необходимо проявить осторожность, чтобы помогая младшей сестре, не навредить старшей! Капитан, понимая сложность этой новой ситуации, смотрел, между тем, на неё с юмором, ведь дипломатия его пугала не более, чем война.

Крозон же в это время пребывал в состоянии человека, упавшего в бурные воды реки по весне и внезапно спасённого из неё в тот самый момент, когда дыхание уже покидало его ослабленное борьбой с бурным потоком тело. Он чувствовал, что слова капитана его утешили, но не был ещё до конца уверен в точке опоры, которую нащупал благодаря Нуантелю, и страшно боялся снова пойти на дно. Между тем, китобой ощутил надежду, перед ним забрезжила возможность счастливой развязки ужасной для него драмы, и так этот безумец был, вопреки всем его недостаткам, превосходным семьянином, ему не терпелось обнять свою жену и своего бывшего товарища, следуя совету, который ему только что дал, правда, немного слишком рано, его друг Бернаше.

А тот был на седьмом небе от счастья, этот храбрец Бернаше, и искренне, глубоко и сердечно благословлял капитана, который столь бурно, с победоносным видом объявлял о наступлении мира.

И, в действительности, было трудно провести линию защиты более тонко и изящно, чем это сделал Нуантэль. Многие адвокаты позавидовали бы его тщательно выверенной диалектике, методам аргументации, и её ловкому воплощению в жизнь. Это, конечно, не были его профессиональные качества, а всего лишь естественный, присущий интеллигентному человеку такт, знание человеческого сердца... и другие качества, которые приобретаются не в коллегии адвокатов, а в других местах, которые не являются столь уж редкими у обладающих умом интеллигентных военных. И капитан имел право гордиться достигнутым в результате переговоров с моряком результатом, поскольку, рассуждая столь искусно, он сумел сказать лишь

немногое из того, о чём думал. Таким образом, Нуантэль был вполне искренен, утверждая, что анонимный корреспондент разоблачал врагов лишь с одной только целью – устранить своих недругов проворными руками капитана китобойного судна. У Нуантэля не оставалось в этом сомнений с тех самых пор, как он понял, что доносчиком был Ласко. Но он лукавил, говорил против своих собственных убеждений, когда поддерживал мысль китобоя о том, что мадам Крозон никогда не манкировала своими обязанностями. Напротив, Нуантэль, на самом деле, думал, что супруга китобоя действительно была любовницей поляка и что из в результате этой связи на свет божий появился ребёнок. Это была самая его слабая сторона защиты и капитан-адвокат сотворил чудо, получив от мужа-судьи предварительное оправдательное решение.

Но этот успех был ничем по сравнению с тем даром, что он только что получил, даже не прося о нём, а именно о письме дон Хосе Ласко. Капитан его теперь держал в своих руках, и письмо и этого Перуанца-злодея и негодяя, и он обещал себе не пощадить его в финале этого расследования. Он ясно видел теперь все ниточки козней, придуманных и подготовленных этим мерзким типом, замыслившим поначалу убийство Голимина руками месье Крозона, а затем, когда он внезапно был освобождён счастливым случаем от поляка тут же повернул руки Крозона против Нуантэля, потому что хотел помешать капитану проникнуть ближе к персоне маркизы де Брезе. Этот плут рассматривал гаванку, как ларец с золотым дном, который он хотел использовать для своей выгоды, и потому не хотел терпеть рядом с ней какого-то французика, возникшего внезапно и ниоткуда, и создающего препятствия в разработке принадлежащей ему одному, как он считал, золоторудной жилы.

– Дело приняло благоприятный оборот, – шептал про себе капитан, спускаясь по клубной лестнице между китобоем и механиком. – Ласко мне написал, чтобы я сегодня не встречался с маркизой, и теперь понятно, почему. Он просто-напросто хотел, чтобы Крозон меня неотвратно нашел в клубе и вызвал на дуэль, и сейчас, уверен, испанец поздравляет себя за столь умелый и тонкий манёвр, и надеется узнать завтра, что одним умелым ударом шпаги мне был нанесён смертельный удар. Но он даже не подозревает, что Крозон мне предоставил только что средство для уничтожения его самого, и потому не очень-то готов к тому подарку, что я для него приготовил.

Фиакр ждал их у дверей школы, фиакр, поначалу предназначавшийся для того, чтобы привезти обоих участников дуэли и их свидетелей на место схватки. Нуантэль не смог сдержаться от улыбки, поднимаясь в этот экипаж, так как нашел на его сиденьях и под ними целый арсенал оружия – коробку с пистолетами, пару рапир со снятыми предохранительными наколечниками и две сабли непомерной длины.

– Черт возьми! – Сказал он моряку, который занял место рядом с ним, – теперь я наглядно вижу, что один из нас двоих не возвратился бы сегодня к себе домой. Честно говоря, мой дорогой друг, это хорошо, что нас с тобой случай заставил сегодня объясниться. Умереть от руки старинного товарища, согласись, это было бы чересчур жестоко. И у нас будет возможность хорошенько рассчитаться за эту пакость, когда я найду негодяя, настрочившего вам пачку подмётных писем. Ведь мы его с удовольствием уьём, не так ли?

– Извините меня за это, капитан, но это именно я его уью, – пробормотал Крозон.

– Или я... Ведь я имею столько же прав на удовлетворение, сколько и вы, дабы отправить этого мерзавца в мир иной. Если вы хотите, мы вытянем жребий, кому из нас с ним сразиться... допустив, что он согласится сражаться с нами, так как этот доносчик должен быть, вполне очевидно, трусом, каких мы немало повидали на своём веку.

– Если он откажется, я его застрелю без всяких сантиментов.

– Хм! Если только его не украдёт у нас обоих Суд присяжных, – произнёс Нуантэль, и тут же пожалел о сказанном, так как выражение лица месье Крозона внезапно изменилось. Тот, очевидно, подумал в этот момент о своей невестке, слегка подзабытой за перипетиями этого бурного разговора с капитаном.

– Да, – произнёс мрачно китобой, – Суд присяжных, по приговору которого отправляют на гильотину всяких распутниц и убийц. Берта Меркантур вскоре предстанет перед ним, как обвиняемая в этом самом убийстве, и моя жена будет непременно вызвана туда в качестве свидетеля, так что вся Франция узнает, что Жак Крозон сочетался браком с сестрой мерзавки и убийцы.

Это изменение в настроении Китобоя было настоль внезапно, что капитан, застигнутый врасплох этим фактом, впервые за сегодняшний вечер оказался в лёгком нокауте, и он не нашёлся, что ответить на эту сентенцию, а моряк сумел, благодаря этому, быстро воодушевиться, продолжая рассуждать об этом своём семейном несчастье.

– Ах! Послушайте, Нуантэль! – воскликнул Крозон, – Когда я думаю о том, что сделала эта несчастная девушка, весь мой гнев и все мои подозрения вновь возвращаются ко мне... заливают кровью мою голову... не все, конечно, ведь я полагаю, что вас-то действительно оклеветали, но увы, я говорю при этом себе, что Матильда и Берта одной крови, у них один отец и мать, и что именно поэтому они поддерживают друг друга, что между ними встала чужая женщина... которую Берта убила, любовница этого поляка... как мне об этом сказали, в том числе и вы.

– О! Вот это да...! – Подумал капитан. – Крозон пылает, как дикий зверь. Если я не вмешаюсь в этот поток необузданного сознания, он обо всём догадается.

– И эта сцена, которую я увидел своими глазами, – добавил Крозон, оживая всё больше и больше, – как моя жена падает в обморок в то время, когда её сестра читала в газете заметку о самоубийстве этого поляка...

– Рассказ о самоубийстве может спровоцировать кризис у любой женщины, страдающей расстройством нервной системы, – прервал его Нуантэль, – и, действительно, мой дорогой, я нахожу, что вы придаёте слишком большое значение совсем маленькой и незначительной детали и будоражите, тем самым, своё воображение. Если бы нам требовалось придать значение любому событию в жизни и пытаться извлечь из него далеко идущие умозаключения, мы дошли бы в конце концов до того, что все сошли с ума. Вы сами убедились полчаса тому назад, что внешность частенько бывает обманчива. Вспомните, что только что вы и меня обвиняли во всех смертных грехах, а сейчас все обвинения с меня уже сняты, так что, тем более, не следует принимать всерьёз случайные совпадения. Но, так как вы мне рассказываете о болезни мадам Крозон, о том, что она поражена сейчас тяжёлым недугом, позвольте мне у вас спросить, как вы намереваетесь меня ей представить. Разумеется, я сделаю всё, как вам нужно, но, кроме того, я думаю, что нужно подготовить больную женщину и не подвергать её испытанию в виде неожиданного театрального действия, которое, впрочем, может пойти против достижения поставленной вами и мной... нет, нами, цели.

Крозон впал в небольшой ступор, будучи не в состоянии произнести ни одного слова после этой, достаточной сложной для его ума сентенции. Он буквально пережёвывал свои сомнения, и тут любезный Бернаше вновь пришел на помощь своему капитану.

– Мой Бог! – Воскликнул этот добрый малый, обращаясь к своему другу. – на твоём месте я попросту бы сказал твоей жене: «Посмотри, вот капитан Нуантэль, которого я знал прежде, в добрые старые времена, когда я ещё был помощником капитана на борту „Джереми“, и которого я только что встретил в Париже. Это мой добрый друг, и я надеюсь, что мы его будем теперь часто видеть в нашем доме. Так что, зачем изобретать истории? Правда всегда лучше выдумки. А я... я отнёсся бы серьёзно к заявлению этого месье.»

– Я и не подвергаю его сомнению, – с видимым усилием произнёс Крозон. – Но, уверен, Нуантэль меня поймёт... мне нужно привести в свой дом друга, который бы меня всегда мог поддержать советом... вы не были женаты... вы также не ревнивы... и вы не знаете, что это такое – жить с одной единственной женщиной, которую вы обожаете и, одновременно, подозреваете в измене, ревнуете. Я десять раз на день впадаю в любовное бешенство и временами

едва сдерживаюсь, чтобы не припасть к коленям Матильды, молить её о прощении, а затем... меня охватывает желание свернуть ей шею. Я могу целыми часами смотреть на неё, не говоря ни слова... а она... она проводит всё своё время в рыданиях и слезах. Я понимаю, что нужно что-то предпринять, как-то изменить ситуацию, дабы дело не дошло до беды, и надеюсь, что Нуантэль сумеет найти нужные слова и поможет мне побыстрее излечиться от моей болезни. Ты же, Бернаше... ты мне предан, как брат, но ты провел три четверти твоей жизни в котельном отделении судна, там, где не учат искусству постижения натуры женщин... и что бы ты не пытался мне сказать... как бы ты не старался меня успокоить, ты не сможешь найти нужных слов, способных унять моё безмерное отчаяние.

– Это вполне возможно, – ответил Бернаше с лёгким смехом. – Но я и не намереваюсь вникать во все тонкости... на территорию, на которой капитан, без сомнения...

– Капитан! Мой дорогой Крозон! Я к вашим услугам, – прервал его Нуантэль, – и я восхищён тем, что вижу такое полное доверие ко мне. Месье Бернаше прав. Представьте меня вашей супруге, как старинного друга... ведь я ваш друг в самом глубоком смысле этого термина, и я вам это докажу. Позвольте, между тем, мне вам сказать, что я не могу нанести визит мадам Крозон и отправиться к вам прежде, чем я буду уверен, что она примет меня. Она ведь больна, как вы мне говорили?

– Да... но между тем, сегодня ей уже лучше... Матильда, как мне показалось, выздоравливает. Она уже вставала с кровати, когда я уходил.

– Но вы ведь, я надеюсь, вы у неё спросите, желает ли она меня принять.

– О! Не сомневайтесь, Матильда не откажется. С тех пор как её сестру арестовали, она не выказывает больше никаких желаний, и я едва могу из неё вытянуть хоть одно слово.

– Бедная женщина! Чего бы я только не дал за то, чтобы приносить ей хоть изредка хорошие новости... но это, увы, пока невозможно... я вам уже говорил, что я знаю следователя, который расследует дело мадемуазель Меркантур. Это – превосходный человек, и я знаю, что он заинтересуется обстоятельствами, которые помогут отвести обвинения от мадемуазель Меркантур, и если положение обвиняемой станет меняться в лучшую сторону, меня об этом тут же проинформируют.

– Они не изменятся. Берта, безусловна, виновна, – прошептал моряк. – И не стоит говорить об этом при Матильде.

– Безусловно, но только до тех пор, пока не будет добрых новостей. Но наш фиакр уже останавливается... кажется, мы уже мы прибыли?

Нуантэль сказал эту фразу самым естественным тоном, на который он был способен, хотя и знал, что китобой живёт на улице Комартан. Дарки ему об этом уже рассказывал, описывая своё приключение в доме китобоя. Но, так как капитан уже был в фиакре, когда Крозон дал адрес места назначения кучеру, предполагалось, что он его не знал, так что Нуантэль не забыл сыграть эту маленькую комедию, предназначенную исключительно для уст ревнивца.

– Да, ответил Крозон. – Я здесь живу... на четвёртом этаже... Вы, должно быть, лучше живете, чем я... Бернаше, мой мальчик, не мог бы ты отвезти весь этот металлолом к себе домой, – произнёс китобой, указывая на весь богатый набор предметов для дуэли.

Бернаше понял, что его друг по морским кампаниям желал лишиться его компании в фиакре и у него дома и, поскольку он был очень скромен по своей натуре, то тут же поспешил попрощаться с капитаном, который от чистого сердца обменялся с ним сильным рукопожатием.

Красивую и тяжёлую работу навязал мне этот морской волк, – говорил себе Нуантэль, поднимаясь по лестнице бок о бок с Крозоном. – И придётся ещё не раз возвращаться сюда, чтобы поддержать гармонию в их домашнем хозяйстве. Вскоре я дойду до того, что буду обязан

играть каждый день с ними в бриск⁴. Прекрасная буржуазная жизнь! О, мой милый Гастон! Если бы ты знал, во что мне будет обходиться дружба с тобой!

Дверь квартиры открыла горничная, на которую капитан посмотрел с некоторым интересом, ведь ему было уже известно, что она была допрошена судьёй в день ареста мадемуазель Меркантур, и он совершенно не рассердился тем фактом, что ему пришлось немного изучить физиономию этой прислуги, которая должна была сыграть немаловажную роль в предстоящем процессе над несчастной возлюбленной его друга, но Крозон не оставил ему времени на тщательное изучение и познание её натуры, и быстро ввёл Нуантэля в бархатный меблированный салон родом из Утрехта, где совсем недавно принимали Дарки, и капитан внезапно оказался в присутствии мадам Крозон, возлежащей в тягостной позе на банкетке из красного дерева.

Нуантэль подумал, что муж замыслил ускорить ход событий такой встречей, и он, возможно, не ошибался. Но испытание оказалось благосклонным ко всем сторонам, и всё произошло как можно лучше, ко взаимному удовлетворению. Больная, а то, что это не комедия, было видно невооружённым глазом, выказала некоторую неожиданность к присутствующим, потому что она явно не готовилась к внезапному появлению незнакомца, но её отношение к их приходу было столь естественно, что физиономия ревнивца тотчас же выразила наиболее живое и явное удовлетворение. Ещё немного, и он бросился бы на шею Нуантелю и, от захлестнувшей его излишней радости, сразу же забыл все данные ему только что его старинным товарищем рекомендации, а именно сохранять бесстрастность по отношению к Берте.

Крозон, представив капитана своей жене, пребывавшей во время этой церемонии довольно холодной в отношении гостя, добавил при этом:

– Дорогая Матильда, я уверен, что ты радушно примешь моего друга Нуантэля в следующий раз, когда он снова получит возможность посетить наш дом, так как он знает месье следователя Дарки и сможет тебе иногда сообщать новости о твоей сестре.

Капитан, казалось, предусмотрел всё, за исключением этого неожиданного заявления, и он совершенно не был готов объясняться с сестрой мадемуазель Меркантур по поводу его отношений со следователем, но ему хватило хладнокровия сменить беспечный вид посетителя, которого собираются просто, случайно, представить женщине, на личину серьёзного человека, обязанного обсудить с хозяйкой дома некую тягостную тему, так что он совершенно не смутился.

Мадам Крозон оказалась намного менее хладнокровной, чем её гость. Впервые со времени ареста Берты ужасный моряк, и её муж одновременно говорил о ней с некоторой нежностью. Этот человек, буквально проклинавший каждый день свою жену, вдруг, казалось, проявил теперь интерес к судьбе её заключённой в тюрьму сестры. Крозон, между тем, искренне улыбался своей жене, и бедная больная, приученная в последнее время видеть лишь его пышащее угрозами лицо, спрашивала себя, что явилось причиной такого внезапного преобразования. Ей было неизвестно то, что происходило только что между Крозоном и Нуантелем, но ей было известно, что судья был дядей этого месье Дарки, которого недавно Берта приводила к нему, и предложившего защитить её от ярости её же собственного мужа. Что-то подсказывало мадам Крозон, что друг дяди должен был быть так же другом и племянника, и что этот капитан, о котором она прежде никогда не слышала, был настроен, как и Гастон, защищать слабых. Но она чувствовала, в тоже самое время, опасность своего положения, а посему не осмеливалась рисковать ни словом, ни жестом. Единственно... только её глаза говорили за неё... а в них была мольба, мольба о помощи. Она внимательно смотрела на Нуантэля и Крозона, пытаясь по выражению их лиц распознать тайну их настоящих намерений.

⁴ Бриск —карточная игра, бытовавшая в 19 веке в в «средних слоях» общества.

Нуантэль догадался о тревожном состоянии подозреваемой в измене женщины, которая опасалась наткнуться на какой-нибудь подводный камень на её пути, и изо всех сил постарался её успокоить.

– Мадам, – обратился он мадам Крозон с некоторым акцентом чистосердечности в голосе, который уже успел чуть раньше весьма успешно убедить китобоя отказаться от дуэли с ним, – я действительно знаю месье Роже Дарки, но я, главным образом, связан тесными узами дружбы с его племянником. Я не осмеливаюсь вам обещать, что мои отношения с судьёй позволят мне быть полезными для мадемуазель Меркантур, но я могу вас уверить, что Гастон Дарки и я... мы сильно заинтересованы судьбой вашей сестры, и что мы сделаем всё возможное, чтобы изменить положение, в котором она случайно оказалась.

Такое начало разговора внушило доверие мадам Крозон. Черты её лица успокоились, слёзы радости потекли на её бледные щеки, а губы шептали слова благодарности.

Произнося свои слова капитан с чувством удовлетворения наблюдал за этой переменной. Он изучал мадам Крозон и, поскольку он был отличным физиономистом, то без труда распутал клубок чувств, обуревавших это удручённое сердце. Он понимал слабый и нежный характер этой женщины, буквально видел мельком историю этой сироты, вышедшей замуж за человека, которого она не любила... и не могла полюбить, борясь против его необузданной, страстной натуры, сражаясь с практически полной изоляцией, на которую её обрекла семейная жизнь с китобоем. И тогда мадам Крозон перенесла на свою сестру всю свою нежность и любовь, душевную любовь, которую её муж не смог ей внушить, и наконец, изнемогая от такого существования, она повстречала, вследствие одного из тех редких случаев парижской жизни, Голимина, случая, который сближает два существа, из которых один, кажется, был словно специально создан и рождён для того, чтобы сделать несчастным другого. Она, должно быть, долго сопротивлялась чарам обольщения этого поляка и, однажды, совершенная ею ошибка, ввергнувшая её в пучину страсти, покрыла пеленой её глаза, не позволив увидеть пропасть, к которой эта ошибка её толкала. Затем настало пробуждение, ужасное пробуждение, пробуждение в глубине бездны. Брошенная любовником, повергнув в ужас совершенным ею безумством сестру Берту, она не надеялась больше ни на что, и ожидала только одного – смерти.

– Ребёнок уж точно существует, – сказал про себя Нуантэль, – и мадемуазель Меркантур это было известно... и вполне возможно, что ради того, чтобы его спасти, она могла скомпрометировать себя и, разумеется, для того, чтобы вернуть письма мадам Крозон, её сестры, которая так много сделала для неё в этой жизни, она пошла на бал Оперы. Мадам Крозон не может проигнорировать тот факт, что Берта пожертвовала собой ради неё, и в результате она оказалась перед этой ужасной альтернативой – или позволить осудить свою сестру французскому правосудию, или отдать своего ребёнка в мстительные и беспощадные руки мужа, который, бесспорно, был способен его убить. Драма с таким сюжетом, как этот, имела бы, безусловно, не менее ста представлений в каком-нибудь бульварном театрике, так что именно на меня падает забота о том, чтобы привести ситуацию к развязке, которая бы удовлетворила весь мир. Что же, приятная задача, на самом деле! Имейте в виду, таким образом, что никогда не следует пренебрегать друзьями! И, чёрт побери, не стоит забывать о Дарки, который успешно затащил меня в этот тупик! Однако, необходимо, чтобы я распутал этот клубок противоречий, этот самый настоящий лабиринт, в который мы все забрели, и у меня для этого нет другого средства, кроме как доказать, что это маркиза де Брезе убила Джулию. Когда судья её задержит, он, соответственно, должен будет отпустить мадемуазель Меркантур, не требуя, чтобы она ему рассказала о том, что собиралась делать в ложе Парижской Гранд-Опера, и главным образом, не затрагивая домашнее хозяйство Крозона. Именно против маркизы необходимо направить все усилия и действия, чтобы спасти обеих сестёр и, так как морской волк окончательно успокоился, мне здесь больше делать нечего.

– Мой друг, – в это время с теплотой в голосе произнёс моряк, – я вас благодарю за то, что вы пришли на помощь моей невестке. Я мог считать, что она была виновна в тех событиях, что случились в последнее время, но был бы, между тем, очень счастлив, если бы Берта оказалась невиновна и, благодаря вам, я не безнадёжен больше в надежде снова увидеть её. Вы творите чудеса... радость возвратилась только что в мой дом... и это именно вы вернули её нам.

Нуантэль подумал тотчас же:

– Вот человек, который умирает от желания броситься к ногам своей жены и рассыпаться в извинениях перед нею. Все мужья одинаковы, стоит им подбросить робкую надежду на всё ещё тлеющую любовь их супруги. Ну что же, один прелестный результат своих усилий я уже получил, но при этом не испытываю ни малейшего желания присутствовать при сцене примирения супругов и мне совершенно необходимо сообщить присутствующим о моей отставке, после чего громко ответил Крозону: «Мой дорогой, это вам я обязан, так как вы были так любезны и представили меня мадам Крозон, вашей супруге, и я надеюсь, что она мне позволит ещё не раз вернуться в ваш дом, что будет означать возможность чаще вас видеть, но поскольку хозяйка дома сейчас больна, я собираюсь откланяться и проститься с нею, умоляя вас полагать, что я полностью в её и вашем распоряжении.»

И Нуантэль не ошибался в своём решении. Китобой спешил заключить супружеский мир, а такие договоры подписываются без свидетелей, и он даже не пытался задержать своего друга, а наоборот, именно мадам Крозон вдруг нашла в этот момент слова, способные изложить просьбу, которую она не осмелилась сформулировать до этого времени.

– Месье, – произнесла она с усилием, – я буду вечно признательна моему мужу, который вас привёл в наш дом, и вам, кому хватило доброты в это непростое время интересоваться судьбой моей несчастной сестры. Поскольку вы хотите взять её под свою защиту, возможно, вы согласитесь также доставить судье одну просьбу...

– Какой бы она ни была, мадам, вы можете считать, что мой друг Дарки возьмёт на себя обязанность передать её своему дяде, – любезно прервал женщину капитан.

– Я не прошу невозможную вещь, зная, что юстиция должна следовать своим, установленным правилам, и понимая, что Берта должна оставаться в своём положении и статусе, пока не будет доказано, что она невиновна. Но не зависит ли от судьи, который руководит расследованием её дела, возможность освобождения моей сестры... предварительно...? До суда? Мне сказали, что закон это ему позволяет.

– Да, действительно, освобождение на поруки... я пока не размышлял об этом, да и Дарки также.

– Моя сестра не пыталась бы сбежать и, уверена, подчинится всем указаниям, любому наблюдению, которое может быть ей предписано в этом случае... и если Бог не позволит, чтобы её невиновность стала очевидной для всех, и она будет осуждена, то пока настанет этот момент, Берта не проведёт, по крайней мере, до этого времени, бесконечно длинные дни и ночи в тюрьме и не испытает бесполезных страданий. Я могла бы видеть её каждый день, сумела бы поддерживать её во время этого жестокого испытания, которому она подвергается сейчас...

Мадам Крозон внезапно замолчала, заметив, что её муж недовольно сморщил брови, и голос тут же покинул сестру Берты. Нуантэль, сумевший разгадать мысли, зарождавшиеся в голове моряка, поторопился ответить ей таким образом, чтобы задушить их в зародыше в голове ревнивого мужа, эти возрождающиеся подозрения неисправимого ревнивца.

– Мадам, – тихо произнёс он, – я сомневаюсь, чтобы месье Роже Дарки согласился сделать то, что вы желаете, и то, что я желаю так же сильно, как и вы, то, что желаем мы все, если бы только не шла речь об убийстве и дело это не было бы столь серьёзно! Но я могу вам обещать, по крайней мере, что просьба ваша будет представлена ему на рассмотрение и тепло поддержана.

Затем, не оставляя молодой женщине времени на то, чтобы она продолжала настаивать на своей просьбе, Нуантэль её поприветствовал и вышел из комнаты с моряком, который его дружелюбно взял за руку, чтобы проводить, и который, едва они достигли прихожей, принялся прижимать капитана к своей груди, возбуждённо говоря:

– Нуантэль, я был безумен... но вы мне вернули разум... я вам обязан своим счастьем... сейчас между нами снова доверие, которое будет сопровождать нас и в жизни, и в смерти.

– Значит, вы меня больше не подозреваете во всякой гадости, – весело сказал Нуантэль, для которого не было большего счастья, чем освободить себя от этого безумного объятия моряка.

– Я не подозреваю больше никого... поймите меня! Когда я думаю, что я едва не сразился с вами на дуэли... что я хотел убить Матильду... я стыжусь, что поверил клевете подлеца.

– И которого я иду немедленно разыскивать, не теряя ни одной минуты, и я его непременно отыщу, клянусь вам.

– Ах! Я его убью.

– Мы его убьём, и это именно то, что его ожидает. До свидания, мой дорогой Крозон! Я искренне полагаюсь на ваш скорый визит ко мне, и я вас не заставлю долго ожидать мой.

На этом обещании капитан обменялся последним и сильным рукопожатием с китобоем и тут же устремился на лестницу.

– Уф! – Пробормотал он, спасаясь бегством, – какую жертву мне пришлось принести только что на алтарь дружбы! Видит бог, мне даже пришлось выступать в роли умиротворителя супружеских отношений, но лучше бы я остался в стороне от этих обязанностей. Хотя, если подумать, сколько новых вещей я узнал всего лишь за один час! Мне удалось увидеть просветы в тумане, который этот Лолиф напрасно пытался напустить в течении трёх дней на это дело об убийстве в Опере. И я почти уверен, что на совести мадемуазель Берты нет ни любовника, ни удара ножом. Письма были написаны её сестрой, в этом для меня больше нет никаких сомнений, и если было бы доказано, что костюм-домино Берты нашли на внешнем бульваре до трёх часов ночи, то я не вижу причин, почему судья Роже отклонил бы временное освобождение Берты до суда. Крозон, кажется, не особенно озабочен тем, чтобы снова побыстрее увидеть в своём доме обвиняемую в убийстве персону, но мадам Крозон этим чрезвычайно озадачена. Почему? Да, она любит свою сестру, я это действительно знаю, но повторное появление этой самой сестры в её доме создаст ей много затруднений и в тоже самое время не помешает, возможно, довести дело до Суда присяжных... опасные затруднения, так как муж не преминет расспросить Берту, попросит её дать объяснения, и он явно не удовлетворится теми, что бедная девушка ему сообщит и, так как он упорен в своих сомнениях, то мог бы дойти до того, что действительно вытянул бы из неё некоторые компрометирующие её старшую сестру слова.

Нуантэль задавался этими вопросами до самой середины улицы Комартан и, глядя на него со стороны, прохожие должны были принять капитана за влюблённого мужчину в состоянии эйфории, разглядывающего звезды в поисках лишь одной, счастливой, путеводной.

– Я понял! – Воскликнул он, внезапно остановившись, словно поэт, только что нашедший так долго не посещавшую его искомую рифму. – У матери нет больше новостей о её ребёнке, с тех самых пор, как мадемуазель Меркантур оказалась под замком. Только лишь одной Берте известно, где живёт кормилица. Возможно, самоотверженность мадемуазель Меркантур уже дошла до готовности заявить во всеуслышание о том, что это её ребёнок, и, вполне вероятно, что кормилице именно это она и сказала. В любом случае, неплохо, что она воздержалась от того, чтобы дать кормилице адрес мадам Крозон, ведь её муж уже возвращался в это время в Париж, и эта кормилица вполне могла бы совершить глупость и нанести визит в супружеский дом. Так что, можно смело констатировать, что на сегодняшний день все коммуникации между

кормилицей и матерью ребёнка прерваны. Между тем, как это возможно, чтобы мадемуазель Берта не сказала своей сестре, куда она поместила её ребёнка?

Здесь Нуантэль сделал новый перерыв в своём походе. Он терял след, но его проницательный разум тут же нашупал его вновь.

– Ах! Да, – Повторил он, обдумав мысль, которая внезапно его посетила. – Приключение было устроено таким образом... что мадам Крозон знала, что её недоброжелатель искал несчастного маленького внебрачного ребёнка. Она сумела обнаружить, что за нею следили и попросила Берту взять на себя переезд ребёнка с кормилицей на новую квартиру, и Берта провела эту операцию в ночь субботы. Она была арестована в воскресенье, прежде чем вновь смогла увидеть свою сестру и дать ей новый адрес кормилицы. Вот оно, простейшее объяснение этой замечательной ночи, одновременно также дающее ответ на вопрос об упорном молчании обвиняемой в тяжком преступлении, так как, для того, чтобы оправдаться, ей требовалось разоблачить поведение мадам Крозон, своей сестры. Остаётся только найти кормилицу... и, уверен, она непременно должна обитать в окрестностях Бельвиля, так как именно в этой стороне было подобрано домино Берты. Чёрт возьми! Я буду не я, если не сумею найти эту кормилицу...

Капитан остановился ещё раз, чтобы дать полноценную аудиенцию своим размышлениям, которые рождались одно за другими. И в их финале он грубо и громко выругался, сопроводив это нелицеприятное выражение следующими словами:

– Да я просто круглый дурак! Она была у меня в руках, а я позволил ей уехать. Эта кормилица – та самая толстуха, что подошла ко мне в Пер-Лашез, пытаясь меня расспросить, действительно ли мадемуазель Меркантур находится в тюрьме. Она мне сказала, что живёт рядом с кладбищем, и у неё действительно была внешность кормилицы. Я припоминаю теперь, как именно на это обстоятельство её наружности я обратил своё внимание. Но как теперь её найти? Рыскать по Бельвилю и его окрестностям? Нет, есть и другие собаки... Ласко, например. А у неё есть моя визитная карта... к счастью, я смог ей вручить эту картонку, и сказать напоследок, что я в состоянии быть полезным для заключённой в тюрьму девушки... и совершенно ясно, что она не испытывает нехватку в проницательности, эта кумушка-сплетница, так как она на ходу изобрела для меня историю парижской прачки и, возможно, она решится не сегодня-завтра на попытку найти меня... только бы это не произошло в конце месяца. Итак, мне остаётся только ждать, – заключил Нуантэль, – и ожидая её визита я не стану испытывать нехватку в темах для своих изысканий, так как мне не будет достаточно доказать всё то, что я узнал только что... доказательства... это такая красивая вещь, эта логика...! Дядя моего друга Дарки Роже – требовательный судья. Ему нужен убийца, и именно я приведу его к нему. Я знаю, кто она и где она, но я ещё не могу отправиться к этой персоне, чтобы забрать её прямо из её особняка. И затем, у меня есть один неоплаченный счёт, по которому мне нужно рассчитаться с одним негодяем...! Сначала я собираюсь вынудить его сослужить мне службу и поработать для меня ищейкой в этой охоте на маркизу. А теперь пора идти... моё мнение уже сформировалось. Вперёд, пора охотиться на Ласко!

Десять минут, которые Нуантэль провел, рассуждая таким образом на грязной мостовой улицы Комартан, не стали большой задержкой в ведомой им борьбе за счастье его друга, но он не потерял время, поскольку окончательный план кампании только что сформировался в его голове. Капитан взглянул на свои часы и увидел, что было едва пять часов. Крозон ворвался в клуб задолго до ужина, а конференция в приёмной и визит к мадам Крозон не были длинны. Прежде чем пойти ужинать, чтобы завершить столь удачный день, у Нуантэля ещё оставалось время, прежде чем начать свою операцию по спасению любви Гастона.

– Где я найду моего Ласко? – Спросил он себя поначалу. – Перуанец не появится в Клубе, пока не получит новостей о дуэли, столь заботливо подготовленной его хлопотами. Он знает, что может встретить меня здесь, и ему отнюдь не улыбается перспектива давать мне объяс-

нения о так называемом недомогании мадам де Брезе, а эти объяснения, как он надеется, я у него не попрошу никогда, вполне обоснованно считая, что китобой меня до завтрашнего дня непременно убьёт... Я почти уверен, что в этот час он находится у маркизы, но именно на этой территории я не хочу его встретить. Однако, нужно, чтобы я атаковал незамедлительно. Я чувствую в себе необыкновенное оживление, сродни тому, что я испытывал в военных компаниях, и было бы грешно этим не воспользоваться.

Этот день решительно благоприятствовал Нуантелю в посещении его головы идеями, так как ещё одна вдруг появилась в его голове, когда он достиг угла улицы Сен-Лазар. Он вспомнил, что Сен-Труа жил рядом, совсем неподалёку, на улице Исли, и что он давал консультации всем желающим ежедневно от пяти до семи вечера. Весь Клуб знал это, поскольку доктор, каждый раз, приходя туда, очень громко об этом рассказывал. И эта устная реклама имела некоторый успех, так как многие стали воспринимать его, как серьёзного врача. Майор Коктейль даже намеревался излечиться при его помощи от невроза желудка, вызванного слишком частым употреблением сильных ликёров, а майор не был, конечно, наивным человеком.

Нуантэль не верил ни в научные познания, ни в клиентуру этого практика из Канады, но предполагал, что действительно найдёт его у него дома за приёмом больных, поэтому и направился, не задерживаясь, к улице Исли. Сен-Труа должен был быть посвящён во все интриги Ласко и обладать, как и Ласко, тайной маркизы, так как они были вместе в течение той памятной ночи бала Оперы в своей ложе рядом с кровавой ложей Джулии. Решив незамедлительно атаковать врага, капитан рассудил, что раз генерал-командир скрывается, вначале следует напасть на его лейтенанта, который оказался сейчас в пределах его досягаемости. Нуантэль думал, что эта первая небольшая стычка была бы ему на руку, прежде чем инициировать большее сражение.

Сен-Труа занимал весь первый этаж красивого нового дома, и по манере, в какой портье ему ответил на его вопрос, Нуантэль сразу же увидел, что доктор-арендатор был уважаем владельцем этой недвижимости. Это его не удивило, так как он знал, что негодяи некоторой категории исправно платят в установленные им сроки, и не станут торговаться о размере вознаграждений своим подчинённым. То, что его удивило больше всего, состояло в том, как было обставлено место практики этого специалиста из Квебека. Посетителей в его кабинеты, переоборудованные из спальных комнат прежнего арендатора, распределял огромный негр, облачённый в красно-зелёную ливрею. Этот негр больше подходил для игры на барабанах в спектакле шамана-шарлатана в провинциальном цирке, чем к роли распорядителя медицинской практики. Впрочем, следовало признать, что квартира была неплохо обставлена, и ничто там не напоминало о присутствии медика.

Нуантэль был введён в строго меблированную приёмную. Обивка стен из старого дуба, бумажные обои, имитирующие кожу, большой стол в середине комнаты с разложенными на нём альбомами, шкафы а ля Буль вдоль стен, а в углах, ковёр Обюссона, просторный камин с хорошо горящими дровами, картинами бывших хозяев помещения на стенах неизвестных авторов, кресла и гобелены, имитации Бовэ. Никакой вульгарности, лишь одна классическая гравюра, которая представляла Гиппократа, отклоняющего подарки Артаксерса, а ля классический голландец, просто сверкающая своим безвкусием.

Салон нельзя было назвать малолюдным, однако, что интересно, в нём пребывали только исключительно персоны женского пола. Сен-Труа, как было известно, специализировался на неврозах, и сильный пол был намного менее раздражителен, чем иной. Невроз имеет разнообразные формы и служит удобным способом списать женщинам на него все свои проблемы для всех мужчин и мужей. Невроз очень удобен, им можно пользоваться везде, дома, в ресторане, и даже в поездке за город и дальние края. Он не портит репутацию женщины в приличном обществе, в отличие от многих других заболеваний. И затем... какое красивое название. Именно эта болезнь признается во всём мире, как болезнь высшего света, и не мешающая,

между тем, успешно продвигаться в нём. Но, чтобы действительно установить, сумели ли мы стать обладателями этой модной болезни, и в состоянии ли мы о ней заботиться и лелеять её, нужен был чуткий доктор. Сен-Труа брал на себя эту обязанность и с удовольствием диагностировал это заболевание, предписывал режим, который больше всего нравился самому консультирующемуся и, благодаря этому экстра-медицинскому способу, он получал результаты очень и очень удовлетворительные, и к тому же весьма доходные. Это было то, что он называл своим диетическим методом, и его клиентки находили его великолепным. Нуантэль увидел в этом заведении толстух и худосочных женщин, блондинок, брюнеток, молодых, старух, и все они, казалось, пребывали в процессе выздоровления, поскольку живо обсуждали моды и новостии дня, все абсолютно элегантные, что, впрочем, неудивительно, поскольку знаменитый доктор давал советы только богатым персонам и заставлял их за них платить очень дорого.

– Этому собранию сумасшедших дам недостаёт только маркизы де Брезе! – заметил про себя капитан, скромно садясь в наиболее тёмном углу салона. – Чёрт меня возьми, если я раньше подозревал, что этот гражданский помощник генерала-перуанца действительно практикует медицину. Я с удивлением обнаруживаю в Сен-Труа человека, которого я, оказывается, до сих пор совершенно не знал. Если только эти дамы не из простых статисток, арендованных на час в театре исключительно только ради меня. Господи! Как бы это не было странно и невероятно, но в Париже всегда найдётся женская клиентура для продавцов универсальных шарлатанских лекарств, приезжающих из-за границы. Сен-Труа быстро сообразил, что ему нужна благообразная вывеска, дабы его не смогли обвинить в том, что он жил трудами несправедливыми, занимаясь незаконными, уголовно наказуемыми делами, и он выбрал профессию, оставляющую ему много свободного времени, и дающую возможность легализовать большое количество денег.

Появление Нуантэля произвело небольшую сенсацию среди пациенток доктора, больных модным в Париже неврозом. Без сомнения, они совершенно не были готовы к встрече в салоне у их любимого доктора со столь прекрасным кавалером. Разговоры тут же прекратились, руки, теребящие страницы модных альбомов, остановились, и их глаза потянулись к красивому капитану, но он сделал вид, что не заметил повышенного внимания к своей персоне. Нуантэль пришел сюда не для того, чтобы обрести успех на любовном поприще, да и, впрочем, клиентки Сен-Труа его ничуть не интересовали, и вскоре он с удовольствием констатировал, что консультации Квебекца не были слишком долгими. Не случалось более десяти минут без того, чтобы дверь его кабинета скромно открывалась и доктор не показывался на пороге, приглашая новую пациентку, но Нуантэль был столь укромно скрыт в своём углу в глубине салона, что Сен-Труа не мог его заметить, так как помещение было освещено довольно слабо лампами, покрытыми абажурами с плотной тканью. При каждом появлении известного практика одна из дам вставала, вызываемая его грациозным жестом, и бесшумно проникала в алтарь, у которого, судя по всему, было два выхода, поскольку больше её никто в этом салоне не видел и, по прошествии некоторого незначительного времени, её сменяла другая. Каждая проходила по очереди, без спора... и бесшумно, так как Сен-Труа посещали только хорошо воспитанные люди, а его негр распределял среди них номера очередности только ради проформы.

Нуантэль прибыл последним из всех присутствующих в салоне, но очередь его не волновала, так что он спокойно ожидал, пока она рассосётся, думая о вещах, действительно волновавших его и о которых до сих пор ему не хватало времени серьёзно подумать. Сен-Труа и Ласко связывала довольно тесная дружба, это было несомненно, и у них также были общие интересы с Голиминым, это тоже было очевидно. Какие это были интересы и на чём основывался этот союз, который пережил поляка? Над каким сумрачным произведением вместе работали эти три искателя приключений? Всегда ли ограничивались они тем, что всего лишь использовали женские тайны, или существовали между ними связи, рождённые для более серьёзных преступлений? Последнее из этих двух предположений казалось маловероятным,

и однако Нуантэль его абсолютно не отбрасывал, так как у него сложилось очень плохое мнение обо всей этой иностранной шайке.

В то время, когда он размышлял таким образом, салон канадского доктора быстро опустошался. Осталась только одна, маленького роста персона, кругленькая и свежая, словно утренняя роза, которая совершенно не производила впечатления женщины, терзаемой нервами, хотя она, судя по всему, немного волновалась, сидя в удобном кресле. Капитан решил, что она пришла просить у доктора рецепт для похудения, и он развлекался тем, что украдкой её рассматривал, когда вдруг услышал в прихожей голоса людей, один приглушённый, негра, вероятно, и другой, более громкий и слегка хрипловатый. Это был шум, слишком лёгкий, чтобы признать в нём перепалку, но в этой квартире, тихой и молчаливой, как церковь по ночам, эта лёгкая перепалка производила странное впечатление. Полная дама прислушалась к возникающему скандалу и, внезапно, дверь резко открылась и какой-то субъект кинулся в салон, крича цветному слуге:

– Раз я тебе сказал, негритос, что я войду, значит я сделаю это! Мне надоело стоять на улице, и я хочу увидеть твоего и своего патрона. Я болен, и мне нужно проконсультироваться с ним.

Негр не осмелился преследовать этого странного клиента, который вызывающе уселся на стуле на другом конце салона, не смотря ни на кого. Это был какой-то рубаха-парень, большой весельчак, похожий на празднично одетого рабочего, увенчанный шапкой, которая, казалось, была намертво привинчена к его голове и, к большому удивлению Нуантэля, с лицом висельника: красный нос любителя дешёвого спирта и дряблый рот, как следствие постоянного употребления трубки, плюс землистый цвет лица – результат того и другого. Настоящий тип уличного грабителя.

– О! – Подумал капитан, – Кажется, что Сен-Труа обзавёлся в Париже прекрасными знакомствами. Он не сможет утверждать, что этот шалопай из парижских предместий страдает неврозом. Но именно у этого человека нашлись дела, которые ему именно сейчас необходимо урегулировать с владельцем этой модной лекарни. Какие дела? Это было бы чрезвычайно любопытно узнать... и я это узнаю. Мне просто необходимо это выяснить... а посему мне требуется самому завязать разговор с этим грубияном.

Дама в это время осторожно приблизилась к двери кабинета и, как только она приоткрылась доктором, тут же устремила туда с такой стремительностью, что у Сен-Труа просто не было времени, чтобы рассмотреть нового клиента, который только что пришел к нему. Нуантэль также был невидим им в своём углу и держался там настоль смирно, так, что у канадца не возникло никакого подозрения о его присутствия.

Мужчина, похожий на работягу, не совершил не малейшей попытки опередить тучную даму, но он что-то бормотал при этом сквозь зубы, качаясь на своём стуле, как медведь в берлоге, и в конце концов встал, намереваясь пойти к дверям кабинета Сен-Труа.

– Отлично! – Сказал про себя Нуантэль, – Сцена, обещает быть забавной и поучительной, и я не пропущу из неё ни слова. Решительно, я сегодня нарвался на золотonosную жилу. Все ко мне прибывает вовремя и, надеюсь, мне с первого же раза повезёт преодолеть стену частной жизни этого столь дорогого во всех смыслах этого слова доктора Сен-Труа.

И капитан сильнее, насколько это было возможно, съёжился своим углом, чтобы на него было невозможно обратить внимание. Место было превосходно для незаметного наблюдения за происходящим в салоне, к тому же клиент с красным носом, казалось, не замечал никого вокруг него. Он ёрзал от нетерпения на своём стуле, издавая время от времени глухое ворчание, словно русский медведь в берлоге.

– Бедняга мечтает выпить, – подумал капитан, которому уже попадались на его жизненном пути такого рода специфические пьяницы, – он хочет алкоголя любого вида, но изрядной крепости, и пришел требовать от Сен-Труа что-нибудь для увлажнения своей луженой глотки.

Толстощёкая клиентка не злоупотребила временем доктора, так как буквально по прошествии четырёх минут он пришел взглянуть на салон, надеясь, без сомнения, никого больше не увидеть, но, когда он открывал дверь своего кабинета его преждевременно улыбающаяся физиономия оказалась нос к носу с краснорожим посетителем, и последующий диалог начался тотчас же на мажорном ладу:

– Как! Это опять вы! Что вы делаете здесь? Я же вам запретил появляться здесь в часы приёма посетителей.

– Возможно вы и правы, но я не могу застать вас уже два дня... а у меня больше нет ни одного су в кармане. И тогда, раз у меня больше нет средств к существованию, я сказал себе: «Вперёд, нужны решительные средства! Иди и возьми своё.»

– А я... я обязан, в свою очередь вам сказать, что мы больше не нуждаемся в ваших услугах. Позавчера, вы получили своё вознаграждение и... оно... было последним.

– Последнее! Ты закончил, напыщенный дурак! Последнее! Ах, ладно, но мне это кажется странным. В то время, когда я вкалывал по ночам на улицах Парижа, рискуя двадцать раз за ночь получить ответный удар по голове от обихаживаемого мной буржуа, моя просьба имеет для вас настолько мало значения, что вам позволительно дать мне отпуск, крича об этом, словно носильщик на вокзал. Любой лакей имеет право на жалованье в конце недели, я же хочу всего лишь получить свои сто пятьдесят франков в неделю после восьми месяцев работы, и думаю, что это не чересчур много.

– Вы сошли с ума.

– Нет... и в доказательство этому я могу вам сказать, что если вы не раскошелитесь... поверьте мне, что мой будущий поход будет не в кабачок-кабуле, а к комиссару квартала, чтобы поделиться с ним обстоятельствами нашего общего маленького дельца. Мне всё равно, пойти к нему в участок одному, или мы совершим поездку втроём... все вместе. Вы, судя по всему, большой шутник, как и ваш друг, генерал из Перу. Я не буду томим одиночеством во время путешествия на галерах к одному печальному острову.

– Замолчите, презренный вы человек! Я вас услышал.

– Я сражаюсь лишь за своё. Так что выкладывайте всё, что мне причитается, или я закричу громче.

– Уверены ли Вы, что мы здесь одни? – Спросил доктор, выдвигаясь на середину салона.

– Добрый день, мой дорогой, – сказал Нуантэль, внезапно появившись перед ним.

Сен-Труа чуть не упал навзничь при виде капитана, но у него ещё хватило присутствия духа, чтобы повернуться к своему знакомому, вложить ему несколько луидоров в руку и вытолкать его к двери прихожей, проговаривая:

– Возвращайтесь завтра, мой друг... завтра утром... я вам дам одну инструкцию... а сегодня вечером я тороплюсь, и кроме того мне нужно встретить этого господина.

Жалобщик, только что так живо описывающий своё жалкое существование, также был немало удивлён появлением нового персонажа в приёмной доктора, так как без сомнения, для него тоже стало неожиданностью внезапное появление Нуантэля, и совершенно очевидно он тоже не имел ни малейшего желания продолжать этот поучительный разговор в присутствии свидетеля. Он позволил себя прогнать, и капитан остался наедине с доктором.

– Я вас, возможно, побеспокоил. – произнёс Нуантэль. – Вообразите, что я здесь уже около получаса, и буквально заснул в углу приёмной у вашего камина. Пребывая среди полуджины красивых женщин это совершенно непростительно, но как же тепло и уютно в этом салоне! Но пронзительный голос вашего клиента меня внезапно разбудил.

– Что! Действительно так? Вы спали? – Пробормотал Сен-Труа, пытаясь вернуть присущий ему апломб.

– Мой Бог! Да! Ни разу в жизни я не смог дожидаться аудиенции, не позволяя себе поигрывать со сном, и два раза в моей жизни это случилось в приёмной у военного министра, а ещё

два раза я принялся храпеть в приёмной Его Превосходительства, да так сильно, что даже пропустил мою очередь. Этот недуг, в результате, заставил меня оставить мою военную карьеру. Так это был, следовательно, ваш клиент? Он не показался мне довольным оказанным ему вами приёмом.

– Это один бедный работяга, о котором я безвозмездно забочусь, и который иногда сердится, потому что я ему предписываю определённый режим, соблюдать который он не хочет, ведь я ему рекомендую трезвость, а он не прислушивается к моим советам. Все его помыслы по прежнему обращены к алкоголю.

– Алкоголики! Какие красивые слова изобретены теперь, в наше время! В 8-ом гусарском полку мы сказали бы просто: «эти пьяницы». Итак, как я понял, ваш больной питает слабость к сильным ликёрам? Вы правы, мне действительно показалось, что он говорил о выпивке.

– Ах! Вы расслышали то, о чём он говорил?

– Только несколько слов... которые мне показались очень бессвязными... побольше су... чтобы пить... проводить время ночью на улицах... Я там ничего толком не понял и, собственно говоря, и не пытался понять.

– Этот несчастный человек – наполовину сумасшедший. У него сильный невроз желудка и я, к моему огорчению, пока не достиг успехов в его лечении, чем сильно огорчён. Но вы, мой дорогой капитан, разве вы тоже нуждаетесь в моих хлопотах?

– Я, доктор, что вы! Нет, Слава богу! Мой мозг в хорошем состоянии, и что касается желудка... то вы сами видели, как он функционировал в воскресенье в «Золотом Доме.» Этот пирог из малиновок остался в моей памяти. Вы должны были бы мне дать рецепт его приготовления.

– Именно этим я обязан вашему визиту ко мне?

– Не совсем точно. Я пришел, чтобы немного объясниться с вами.

– Любое объяснение, какое вы только пожелаете. Следовательно, потрудитесь войти в мой кабинет, ведь время моих консультаций ещё не закончилось, так что только в кабинете мы не подвергаемся риску, что нас кто-нибудь побеспокоит.

– Неужели это могут быть другие алкоголики?

– Нет... опоздавшая клиентка. Вы не представляете, до какой степени женщины бывают неточны.

Кабинет квебекского медика был просторным, но ещё менее освещённым, чем его салон. Плотные обои зелёного сукна заглушали звук голоса, так что было трудно мечтать о месте, более выгодном для признаний. Врач – это в некотором роде исповедник, и Сен-Труа, который истово, в некотором роде, религиозно, осуществлял это профессиональное правило, закрыл на запор дверь, введя в кабинет Нуантэля. Затем он усадил его рядом с собой и начал разговор ласковым голосом:

– Я готов предоставить вам любую справку, в которой вы нуждаетесь. Извините меня за то, что я не предложил Вам сигару. Вы понимаете... я принимаю здесь только нервных... излишне раздражительных женщин... и даже запах табака может вызвать у них обморок. О какой справке, следовательно, идёт речь?

– Я же вам сказал, что мне нужна не справка, а всего лишь одно объяснение, но я не настаиваю на своих словах. Я пытаюсь только узнать, почему вы нанесли в прошлый вторник, точно неделю тому назад, визит Джулии д'Орсо, в её доме на бульваре Малешербе.

Доктор слегка вздрогнул при этих словах, что не ускользнуло от внимательного взгляда капитана.

– Я нескромен, не правда ли? – тут же добавил Нуантэль.

– Нисколько, нисколько! – ответил Сен-Труа с совершенной вежливостью. – Позвольте мне напрячь память. Это было, Вы говорите, в прошлый вторник?

– Да, на следующий день после смерти графа Голимина.

– Действительно, теперь я припоминаю. Итак, все очень просто. Я пошёл к этой бедной женщине потому, что она меня позвала, чтобы со мной проконсультироваться.

– Значит, она была больна?

– О! Ничего серьёзного. Лёгкий невроз... да, невроз лица. Это самоубийство графа произвело на неё очень живое впечатление, и потрясение вызвало нервный срыв...

– И так как она знала, что вы и только вы – первый врач мира по заботе о чрезмерно возбуждённых нервах, она тут же обратилась к вам. Что же, ничего сверхъестественного. Вы ведь её знали до этого визита?

– Исключительно визуально.

– И затем... вы не возвратились к ней?

– Мой Бог, нет! Это было абсолютно бесполезно. Лечение, которое я ей предписал, вылечило больную за сутки. И я безутешно сожалею о том, что сумел слишком быстро её освободить от неудобства, которое бы, если бы оно продолжилось, несомненно помешало бы мадам д'Орсо, пойти на этот бал Оперы, где её, как известно, поджидала смерть.

– Не сожалейте об этом, доктор! Это было предписано ей на небесах. Когда фатум вмешивается в дела, ничего нельзя поделать. Судьба Джулии состояла в том, чтобы завершиться на маскараде. Ваша состоит в том, чтобы, возможно, помочь мне обнаружить преступника, который её убил.

– Я...?! Но мне об этой печальной теме известно не более вашего, – сказал Сен-Труа с живостью, которая заставила капитана улыбнуться. – Я был в Опере с Ласко, в ложе, смежной с ложей мадам д'Орсо, но мы ничего не видели, абсолютно ничего. Следователь вчера нас допросил по этому поводу, и мы ему заявили, что к нашему большому сожалению, мы не в состоянии его о чём-либо проинформировать.

– Я понимаю это, но, возможно, вы сможете мне сказать... мне, кто не является следователем по делу о расследовании обстоятельств смерти мадам д'Орсо... руководствуясь каким мотивом вы в прошлый вторник представились Джулии от имени моего друга Гастона Дарки.

Удар, нанесённый капитаном, был так же прям, сколь и не предвиден, и доктор был застигнут им врасплох. Он покраснел до ушей и ответил подавленным голосом:

– Это ошибка... вы плохо информированы, капитан.

– Напротив, вполне неплохо. Вы назвали Джулии, которая вас отнюдь не звала к себе и не была больна, превосходную причину, объясняющую ваше появление. Вы ей сказали, что месть Дарки вас послал узнать последние новости, и добавили, что были близким другом всё того же Дарки. И, простите мою смелость, эти два утверждения были... мягко говоря, неточны.

– Я протестую, – пробормотал Сен-Труа, ёрзая в кресле, – мадам д'Орсо не могла вам рассказать об этом.

– Нет, я её не видел, но я беседовал с её горничной.

– Её горничной? – машинально повторил доктор, который вполне очевидно начинал терять голову.

– Да, некую Мариетту, девушку очень смышлённую, смею Вас уверить! Она пришла к Гастону Дарки вчера утром, вы слышите, я уточняю, и я там тоже оказался, и она рассказала передо мной обо всём том, что я вам повторил только что. Вы, я предполагаю, окажете мне честь, поверив моим словам.

– Я вам верю, мой дорогой капитан, но... эта женщина могла придумать...

– У неё нет никакого интереса лгать. Впрочем, если Вы оспариваете эти её утверждения, есть очень простое средство разрешить спор, и оно состоит в том, чтобы устроить вашу встречу и личное объяснение, и...

– Это бесполезно... её речи ничего не стоят, я их опровергаю... и я надеюсь, что вы благосклонно примите мои объяснения.

– Я вижу, что вы не понимаете серьёзности ситуации, – холодно сказал Нуантэль. – Если бы шла речь только о том, чтобы знать, кто из вас – вы или эта субретка сказали неправду, я бы не беспокоился. Ваши дела не являются моими, и для меня мало важно, проникли вы к д'Орсо под одним предлогом или под другим. Но моему другу Дарки это небезразлично. Он находит неприличным тот факт, что вы воспользовались его именем без его разрешения, он буквально ранен таким употреблением своего имени, которое вы совершили, и вы догадываетесь, без сомнения, что именно меня он прислал к вам, чтобы объясниться.

Этот последний удар абсолютно выбил из седла Сен-Труа. Несчастный практик не был воинственным храбрецом и перспектива дуэли его ужасно испугала. Любой ценой он хотел избежать сражения и изыскивал средство удовлетворить Дарки, не подставляя себя под удар шпаги.

– Следовательно, – продолжил капитан, – я вас прошу назначить мне время встречи с одним из ваших друзей, чтобы мы смогли вместе установить условия дуэли. Дарки желает, чтобы всё было закончено в течение суток. Если вы предпочтёте выбрать генерала Ласко, это облегчит ситуацию, с ним, как с человеком военным, я легко смогу договориться и быстро уладить все формальности.

В то время, как Нуантэль таким образом разговаривал с квебекцем, тот уже нашел окольный путь, чтобы выпутаться из этой западни, в которую он попал.

– Никогда, – воскликнул он, – никогда я не сражусь с месье Дарки, который мне внушает наиболее живую симпатию. Я предпочитаю удовлетворить его претензии, заявив, что я ошибся, воспользовавшись его именем.

– Прощение! Этого не достаточно. Надо было бы понять, почему вы использовали его имя, или, скорее, пользуясь им, обманули мадам д'Орсо.

– Вы преувеличиваете? Итак, поймите, что сколько бы не стоило моему медицинскому самолюбию сделанное вам признание, знайте, что я желал уже давно иметь мадам д'Орсо в числе моих пациенток, ведь она могла стать для меня очень полезной, если бы ввела меня в тот мир, где невроты случаются очень часто. К несчастью, я её не знал, и не осмеливался просить месье Дарки представить меня мадам д'Орсо. Когда я узнал, что она порвала только что с вашим другом, у меня появилась досадная идея попробовать обман, который мне казался невинным. Меня вдвойне наказали за мою неосторожность, так как я не успел получить никаких дивидендов от знакомства с дамой, и я оскорбил человека, которого ценю и уважаю. Пожалуйста, скажите ему, что я сожалею о том, что произошло, и что я прошу его принять мои извинения.

– Это... что-то, но этого явно не достаточно. Дарки у вас попросит письменные извинения.

– Я напишу любой текст под вашу диктовку, если вы считаете, что это будет необходимо для того, чтобы стереть малейший след разногласий и взаимного непонимания между вашим другом и мной.

В этот момент доктор из Квебека имитировал действия моряков, бросающих часть груза, балласта, в водную пучину, чтобы облегчить своё судно, сражённое бурей, и жертва своей чести не стоила Сен-Труа почти ничего, если это позволяло ему уклониться от необходимости говорить правду по поводу истинного мотива его визита к Джулии. Он принял бы и другие унижения, лишь бы только не раскрыть тайну своих отношений с Голиминым. Но канадец ошибался, полагая, что сумеет отделаться так дёшево.

Нуантэль между тем думал:

– Пошлость и низость этого странного типа соответствует тому образу, каким я его себе представлял, и я не стану тянуть вокруг да около. Он лжёт с превосходным равновесием низостью и пошлостью и, кроме того, с удивительной бесцеремонностью, так что не стоит церемо-

ниться и следует уничтожить и растоптать этого якобы докторишку, необходимо ударить его посильнее.

– Вы ему об этом непременно скажете, не так ли, капитан? – продолжил Сен-Труа, – и я, безусловно, признаю все свои ошибки в такой форме, чтобы она вам понравилась, а вы, надеюсь, возьмёте на себя обязанность вручить эти извинения в милостивые руки месье Дарки.

– Нет, – возразил Нуантэль. – Дарки, может быть, и удовлетворится письмом, которое вы ему собираетесь написать и не вынудит вас сражаться с ним на дуэли, и, даже более того, будет хранить молчание по поводу произошедшего, ведь это дело, если слух о нём распространится по Парижу, сильно повредит вашей клиентуре и вашей практике, но не льстите себе мыслью о том, что он забудет произошедшее. Между нами говоря, доктор, я полагаю, что Дарки не будет больше приветствовать вас при встрече.

– Что! Он придаёт такую значимость к легкомыслию с моей стороны! Я никогда не успокоюсь таким положением вещей... моя ошибка... отношения, которыми я гордился. Я надеюсь, что, по крайней мере вы, мой дорогой господин Нуантэль... вы на меня не будете сердиться.

Капитан же, вместо того, чтобы ответить, встал и принялся гулять по кабинету, насвистывая лёгкую мелодию. Сен-Труа, удивлённый и обеспокоенный, также встал и попробовал совершить отвлекающий манёвр.

– Посмотрите на эту Мадлен в пустыне, – сказал он, показывая на большее полотно, которое висело напротив бюста Гиппократы, отца медицины. – Это – красивое произведение, хотя, и не подписанное. Оно приписывается Аннибалу Каррачи⁵. Одна из моих клиенток мне подарила это полотно в прошлом году.

– Чтобы вас поблагодарить за то, что вы её вылечили от невроза. Ах! Какая у вас приятная профессия, и я понимаю, что вы постараетесь не потерять её. Но, скажите мне, ваш приятель Ласко о них также заботится, об этих неврозах?

– Ласко! Как?... Я не понимаю, о чём это вы?

– Я у вас это спросил лишь потому, что ваш недавний алкоголик, казалось, его знает.

– Вы шутите, капитан.

– Ничуть. Этот ваш упрямый клиент говорил о Перуанце, а ведь не так много перуанцев в Париже. Я припоминаю также... да, и ведь действительно, как он бранился на вас и этого Перуанца, который может быть только вашим другом Ласко. Он говорил: «они меня посылают прочь, они меня увольняют, но у них ничего не выйдет. Я пойду к комиссару полиции и расскажу ему обо всём.»

– Невозможно, чтобы вы услышали это... и впрочем, это слова, у которых нет никакого смысла...

– Возможно да, а возможно и нет. Любезный пьяница ещё держал и другие речи. Он добавил, что его послали бы, без сомнения, за моря, одно миленькое местечко, но что он не отправится туда в одиночестве. Он утверждал, что вас будет трое, тех, кто совершит это путешествие.

– Вы хорошо знаете, что этот человек безумен, – воскликнул Сен-Труа, лицо которого зеленело буквально прямо на глазах.

– Если он таковым является, то я вам рекомендую его отправить в сумасшедший дом, и чем раньше, тем лучше, – спокойно сказал Нуантэль. – Если же вы оставите этого весельчака на свободе... Ну вот! Стучат. Кто там возвращается через маленькую дверь?

Доктор вздрогнул, и побежал к двери, вероятно, с целью закрыть её на внутренний запор.

Постучали только три раза, но с определёнными промежутками и силой удара. Несмотря на неожиданно проявленную прыть, доктор подошёл к дверям слишком поздно. Они откры-

⁵ Аннибале Карраччи (*Annibale Carracci*, 1560 – 1609) – итальянский живописец, прославившийся работами на мифологические сюжеты.

лись буквально перед его носом, и сам присно упомянутый только что генерал Ласко вошёл скромным шагом в кабинет своего друга.

Сен-Труа отдал бы в этот момент всю свою клиентуру за шанс выпутаться из тягостного положения, в котором он оказался, хотя при любых других обстоятельствах прибытие помощника для него было бы очень даже приятно, но сейчас присутствие Нуантэля могло сильно усложнить ситуацию. Поэтому несчастный доктор изобразил печальное выражение лица при виде Перуанца.

Это непредвиденное появление генерала, напротив, обрадовало Нуантэля. Лицезреть обоих плутов с глазу на глаз одновременно... на такую удачу он и не надеялся и был готов тотчас же ею воспользоваться. Представился момент закончить первую партию с ними обоими сразу и одновременно, но ему надо следовало выбрать один из вариантов, которые крутились в его голове: или вынудить их признать то, что они знали о делах и поступках маркизы в течение ночи бала Оперы, или ограничиться тем, что запретить им появляться в доме у маркизы. Мудрый капитан подумал, что прежде чем сделать выбор, необходимо их довести до такого состояния, чтобы они благодарили его при любом выбранном им направлении атаки. С Сен-Труа эта цель была уже почти достигнута, так что теперь шла речь лишь о том, чтобы быстро атаковать Ласко, который казался достаточно озадаченным увиденным в кабинете его друга. Глупец не рассчитывал встретить у своего сообщника человека, которого он старался уже на протяжении двух дней устранить самым радикальным образом.

– Добрый день, генерал, – произнёс Нуантэль, не протягивая ему руки, – для меня большое удовольствие лицезреть вас здесь. Вы были так любезны написать мне, чтобы я избежал напрасного визита, и я постараюсь вас отблагодарить за это деликатное внимание к моей персоне.

– Я не сделал ничего особенного, лишь только выполнил свой долг, – ответил Ласко с видимым затруднением. – Именно маркиза де Брезе попросила меня обязательно вас предупредить, что встреча с ней невозможна.

– И вы поспешили ей повиноваться. Нет ничего более естественного. Итак, она очень сильно занемогла, эта дорогая маркиза?

– Да, она очень больна. Я, со своей стороны, пришел за Сен-Труа, к которому часто обращаются, чтобы обсудить...

– Неврозы, это мне известно. Когда у меня случится такой же, я непременно обращусь к нему. Вы, полагаете, что удивили меня своим визитом в тот самый момент, когда я у любезного доктора и вашего друга одновременно получал консультацию. Нет, мы попросту беседовали о визите, который он нанёс на прошлой неделе этой бедной Джулии, которую давеча зарезали рядом с вами в Опере. И вы пришли очень кстати, так как вам также пришлось в голову посетить тогда Джулию! Я не ошибаюсь, ведь вы отправились к ней в тот же самый день, что и доктор?

– Я? Я вам клянусь, что...

– Не клянитесь. Я видел горничную, которая вас ввела к ней обоим, по очереди. Очевидно, что наш дорогой Сен-Труа приходил предлагать свои медицинские услуги мадам д'Орсо, а вы приходили, в свою очередь, чтобы узнать у неё некоторые сведения о вашем друге Голиimine.

– Но, капитан, я протестую, я...

– Опять! Ну сколько можно...? Это абсолютно бесполезно. Я вполне информирован о произошедшем, и мы возвратимся ещё к этой теме, но не об этом сейчас идёт речь.

– О чём же тогда? – спросил Ласко, пытаясь принять важный вид. – Полагаю, что вы собираетесь меня подвергнуть допросу?

– И вы бы не ошиблись.

– Месье! Позвольте мне вам сказать, что тон, который вы приняли в общении со мной, необъясним.

– Я вам это как раз и собираюсь объяснить. Знаете ли Вы человека, который командует китобойным судном из Гавра... человека, которого зовут Жак Крозон?

Ласко отскочил назад, как будто был поражён ударом кулака в грудь и не имел сил для выражения внятного возражения.

– Жак Крозон женат, – продолжил Нуантэль, – и он только что возвратился в Париж после тяжёлой двухлетней северной кампании, и пока он был в море, его жена стала любовницей этого вашего компаньона Голимина. И кажется также, что у неё был ребёнок от него.

– Я не понимаю, почему вы мне рассказываете эту историю.

– На самом деле? Вы меня удивляете. Ладно, но известно ли также вам, кто оказался тем самым мерзавцем, кто писал подмётные письма Жаку Крозону, разоблачающие поведение его жены, и что этот негодяй был близко связан с Голиминым. Гнусно ведь это, не так ли, генерал?

Перуанец ответил только приглушённым ворчанием, а Нуантэль спокойно продолжил:

– Так почему же этот мерзавец предавал таким образом своего друга? Я игнорирую этот факт, потому что меня это мало волнует. Но то, что меня трогает гораздо больше, так это то, что после смерти Голимина автор анонимных писем стал писать мужу, что я также был любовником этой женщины... и что я сменил поляка на этом неприглядном посту. Разумеется, это была бесчестная ложь, и результатом этой подлости должна была стать дуэль до смерти между Жаком Крозоном и вашим покорным слугой. Один из изощрённых способов, изобретённых вами... как с помощью другой силы освободиться от меня, и Крозон должен был стать стрелком той самой силы... Что вы думаете, генерал, об этой комбинации?

– Я думаю, – проворчал Ласко, – что она существует только в вашем воображении.

– Вы ошибаетесь. У меня есть тому доказательства. Доносчик не подозревал, что я был знаком с Крозоном на протяжении не менее двенадцати лет... А ведь доносчик – это вы, генерал, не так ли? Это вас удивляет? Вы не предполагали, что экс-гусарский офицер может быть давним приятелем капитана торгового судна. И это до сих пор странно для вас, но случилось так, что мой старинный друг Крозон показал мне последнее письмо, которое он получил от негодяя, буквально завалившего его подобными писульками. Мы объяснились, и мне не составило никакого труда доказать, что меня незаслуженно оклеветали. Крозон меня попросил найти этого клеветника и собирается его прикончить, как только я его обнаружу. И он не шутит, этот смелый китобой, а у него мозолистая и искусная рука, способная привести приговор в исполнение. Он никогда не дрался на дуэли без того, чтобы не убить соперника, и я сам тому свидетель. И если, случайно, он упустит этого недостойного противника, я сам его достану, и смею вас уверить, что он не ускользнёт от меня.

– Это было бы лучше, – вымолвил генерал, пытаясь принять безразличный вид.

– Это ваше мнение? Тогда, может быть вы желаете, чтобы я вас предоставил моему другу Крозону, и он удовлетворился бы тем, что лично послал бы вас в мир иной.

– Как! Что это означает...

– Это означает, что упомянутый мой доносчик и автор подмётных писем, это вы, – спокойно произнёс Нуантэль, пристально смотря на Ласко.

– Капитан! Это что, шутка...?

– Хотите ли Вы, чтобы я вам показал ваше последнее письмо? У меня оно в одном из моих карманов, и в другом заряженный револьвер, и я вам искренне не советую даже пытаться попробовать вдвоём с вашим канадским дружкой забрать его у меня силой. И я вам также рекомендую не отпираться больше, так как у меня есть доказательство, что это письмо написано вашей рукой, поскольку вы совершили глупость, послав мне другое для сравнения.

– Очень хорошо, месье. Я к вашим услугам, – сказал Перуанец.

– Хорошо! Признаете ли Вы, что...

– Я не признаю ничего... и что тогда...?

– Давайте не будем играть словами, прошу вас. Я предполагаю, что если бы нам с Крозоном понравилось воспользоваться нашим правом, вы не протестовали бы против такого нашего решения.

– Это точно, но мне было бы тягостно сразиться против человека, которого я ценю.

– И который нисколько не ценит вашу персону. Итак, это зависит только от вас – избежать этой тяжёлой необходимости и... избежать в то же самое время злоключений другого рода, злоключений, которых ваш друг Сен-Труа, поверьте мне, чрезвычайно опасается.

Оба компаньона обменялись мимолётным взглядом, и Ласко прочитал в глазах доктора, что нужно спешно использовать любой предлог, позволяющий капитулировать.

– Имеется ли у вас предложение, которое вы можете мне предложить? – спросил генерал.

– Передышка. Могу вам предложить паузу. Пожалуйста, послушайте меня. Я уверен, что вы были заодно с Голиминым, его соучастниками в делах, которые меня не интересуют. Но вы знали, что он был любовником мадам Крозон, и вы хотели заставить Крозона убить Голимина, потому что опасались, что он может вас предать.

– Это каким же образом? – неблагоприятно воскликнул Ласко. – Мы замыслили вместе поход в Перу, и неужели вы решили, что Голимин мог продать наши тайны политическим врагам.

– Я полагаю, что политике здесь делать нечего и то небольшое, что меня попрежнему интригует, так это то, по какой же всё-таки причине вы хотели освободиться от меня. А она, думаю, вот такая. Вы проникли только что в дом к мадам де Брезе. Для чего? Это совершенно ясно – вы намереваетесь использовать маркизу в своих сугубо меркантильных целях. Она очень богата, её дом хорош, и вы пытаетесь там царить единолично. Итак, вы узнали, что у мадам де Брезе созрело намерение встречаться со мной, и даже довольно часто. Вы сказали себе, что я буду затруднять ваше положение в её доме и постарались натравить на меня забияку Крозона, который должен был меня отправить в мир иной в течении суток.

– Я вас уверяю, месье, что вы ошибаетесь. Мадам де Брезе меня превосходно приняла, это правда, но у меня нет никаких претензий на единоличное...

– Достаточно лжи! Я уверен в том, о чём говорю, и вот условия, на которых я соглашусь не разоблачать вас ни Крозону... ни кому-либо иному. Если вы их принимаете, я умолчу о всём том, что мне известно и, по-видимому, буду поддерживать с вами те же отношения, что и раньше. Я хочу, для начала, возобновить мои аудиенции у маркизы. Отпуск, который я получил сегодня, случился, уверен, случился из-за вас. Я намерен получить приглашение от маркизы в течение двух дней... на ужин, на бал, на охоту, одним словом, куда она пожелает, мне, лично, всё равно. Успокойтесь. На её деньги я не нацелен, и я не пытаюсь с вашей помощью обосноваться в её замке.

– Мадам де Брезе не часто вами интересуется, месье, и я не обладаю тем влиянием на неё, которое вы мне приписываете, чтобы...

– Это во первых, – всё также спокойно произнёс капитан, не соизволив ответить на этот протест. – Во вторых... я ожидаю, что начиная с сегодняшнего дня вы прекратите отправлять ваши писульки с пассажами о жене Жака Крозона. При первом же анонимном письме, которое её муж получит, я прикончу вас, и вы знаете, что у меня есть несколько способов сделать это. Таким образом, вы не должны больше соприкасаться с семьёй Крозона... ни словом, ни жестом. Я хочу, чтобы мой друг Крозон считал, что стал жертвой гнусного розыгрыша.

– Это будет сделано... без сомнения, – робко прошептал Ласко.

– Нет, это не всё, и вам это вам прекрасно известно, так что я объявляю моё последнее условие. Ребёнок... Где он?

– Слово чести, мне об этом ничего не известно.

– Оставьте вашу честь отдыхать, и ответьте мне немедленно и категорично. Где у мадам Крозон принимали роды?

– У акушерки, которая живёт наверху, на холме Монмартр, на улице Роз, насколько мне известно.

– И кому поручили заботу об этом ребёнке?

– Кормилице, которую мы долго искали, но след её был утерян, когда мы её почти обнаружили.

– В прошлую субботу, не правда ли?

– Нет, в воскресенье... мы наконец узнали, что она жила на улице Мобеж, почти в самом её конце... номер 219... и когда мы там объявились, оказалось, что она успела накануне переехать оттуда вместе со своим младенцем... но при этом никому не сказала, куда переезжает... и мы её не нашли.

– Её имя?

– Монье... хотя, очень даже вероятно, что это её не настоящая фамилия.

– Этого мне вполне достаточно! – воскликнул Нуантэль, удовлетворённый чёткостью ответов Ласко, ведь было очевидно, что латиноамериканский негодяй не лгал. – Итак, я полагаю, что теперь сделка между нами заключена. Как задаток, я ожидаю приглашение от мадам де Брезе. Когда я с ней встречусь, я ей ничего не скажу о том письме, что закрыло мне сегодня двери её дома и не буду больше заниматься вами, как будто вас не существует в этом мире, если только... вы не нарушите наши соглашения. В этом случае я буду безжалостен. Маркиза мне бесконечно нравится, но она не настолько вскружила мою голову, чтобы я потерял память. Я вроде бы всё сказал? Как вы отсюда выходите, доктор?

Сен-Труа поспешил открыть дверь салона, и капитан ушёл, бросив компаньонам-негодьям на прощание:

– Кстати, я вам рекомендую позаботиться о вашем пациенте-алкоголике. Этот грубиян и болтун может сыграть плохую шутку с вами.

Доктор промолчал и провел Нуантэля до прихожей, где негр в ливрее ожидал клиентов, после чего поспешил вернуться к Ласко, чтобы обсудить произошедшее.

Нуантэль с удовольствием вышел на улицу, и с радостью зажёл сигару, удовольствие, о котором известно только тем, кто вырывается из душного кабинета отдохнуть после дня, проведённого в праведных трудах. Он направился к улице Анжу бодрым шагом, с лёгким сердцем и живым разумом, восхищённый успешным началом своей военной кампании, и совершенно уверенный в таком же её удачном продолжении.

– Вот это хорошая работа, – сказал он сам себе, – и если Дарки не будет ею доволен, то это будет большой неблагодарностью с его стороны. Я сумел взять ситуацию под свой контроль, поскольку оба негодяя, которые шантажируют маркизу, теперь у меня в руках. Я сумел оставить их в неведении относительно того, что мне известно об этой их тайне, не сказав ни слова о преступлении в Опере. Они искренне полагают, что я влюблён в де Брезе... и возможно даже, что они решили, что я хочу на ней жениться, а я воспользовался своим влиянием на них, чтобы заставить этих заморских пройдох открыть передо мной двери замка маркизы. Они, несомненно, развяжут против меня тайную войну, я это знаю, но они не осмелятся атаковать меня явно. Если бы я пошёл напролом, если бы я их вынудил разоблачить маркизу... или, если бы я вынудил маркизу их атаковать, то я навредил бы положению Берты, а это значило бы, что я нанёс удар чересчур рано. У меня ещё нет достаточных доказательств их вины, но они у меня будут через неделю... или через месяц... они у меня точно появятся, а, тем временем, как мне кажется, мне удалось внести спокойствие в семью Крозона, и теперь я знаю, что мадемуазель Меркантур делала в свою первую бальную ночь, так что не остаётся ничего другого, кроме как отправиться по следу кормилицы, и в ближайшие дни я смогу сказать матери, что её

ребёнок устроен хорошо и безопасно. Да, всё это прекрасно, но нужно удобрять наш сад, как говорил Кандид⁶, а наш сад, это маркиза.

⁶ «Кандид, или Оптимизм» (*Candide, ou l'Optimisme*) – самое известное и читаемое произведение Вольтера.

ГЛАВА II

Прошла неделя, целый век для тех, кто надеется и для тех, кто терпит. Гастон Дарки всё это время надеялся, а Берта Меркантур терпела и страдала, и гораздо больше духовно и нравственно, чем физически.

Берта, в своей тюрьме пребывает в полном неведении о происходящем на воле. Она молится, она плачет, она смотрит на скудный лоскут неба, который едва заметен через решётку её окна, и она думает о своей прежней приятной жизни, внезапно поставленной с ног на голову. Она думает о своей сестре, которая умрёт от боли, если только её муж не убьёт её раньше... она думает о мадам Камбри, её защитнице, которую она так полюбила за последнее время и которая теперь, возможно, отрёклась от неё, потому что считает виновной в смерти другой женщины... она думает о Гастоне, который ей поклялся в вечной любви и, без сомнения, уже забыл о ней. Часы в тюремной камере проходят медленно и однообразно, не принося в жизнь бедной отшельницы ни дружеских воспоминаний, ни доброжелательных пожеланий, абсолютно ничего, никаких новостей из внешнего мира, куда она не возвратится больше никогда. Эта камера с грязно-серыми стенами стала её могилой. Снаружи сюда не проникает абсолютно никакой шум, ни один солнечный луч. Когда дверь камеры открывается, Берта видит в глубине тёмного коридора только сестёр Марию-Жозефу, в длинной шерстяной одежде, окутанных черно-голубым покрывалом, и шествующих величавой молчаливой походкой призраков. Три раза Берту выводили из камеры, чтобы отвезти во Дворец правосудия на ужасном скрипучем фиакре, три раза она сидела в кабинете судьи, всегда серьёзного, всегда бесстрастного. Её допрашивали вежливо, холодно, а она отвечала на все вопросы только слезами. Три раза Берта возвращалась в тюрьму в отчаянии. Она чувствовала себя потерянной, забытой и не ждала больше людской справедливости. У неё осталась вера только в Бога, читающего правду в человеческих сердцах.

Гастон Дарки переживал в это время другую казнь, кару ожидания, тревоги и сомнения. Он порвал со своим прежним обычным существованием, избегая светских развлечений и поражаясь миру, в котором он прежде жил, и при этом ощутил горечь радости от этой изоляции. Гастон всё это время виделся только со своим дядей, мадам Камбри и Нуантелем. Дядя-судья любезно привечал Гастона, жалел его, но оставался при этом непроницаем и неприступен.

Что же касается Нуантэля, посвятившего всего себя без остатка делу защиты Берты, более страстно, чем когда-либо, то он объявил своему другу, что не терял ни одного мгновения на сторонние дела, занимаясь исключительно только своим расследованием убийства в Опере, и каждый день он получает новую информацию, и вся она исключительно благоприятна для Берты, и вскоре он сможет соединить эти разнообразные доказательства в единую цепочку, позволяющую доказать полную невиновность девушки, но при этом Нуантэль ясно заявил, что для того, чтобы иметь успех, необходимо, чтобы он действовал в одиночку. И, хотя Гастон возражал против своей бездеятельности, на которую Нуантэль его обрекал таким условием, капитан его сумел убедить не помогать ему в трудном деле реабилитации мадемуазель Меркантур.

Подвергающийся давлению в связи с полученными только что результатами Нуантэль упорствовал перед Дарки в освещении деталей расследования и лишь односложно отвечал на расспросы, что всё мол в порядке, и что в настоящий момент ему невозможно рассказать об этом чуть больше.

После его встречи с китобоем и визита к мадам Крозон, а также соглашения с обоими заморскими плутами ему не оставалось ничего другого, кроме как молчать. Капитан опасался необдуманных поучений Дарки, которые обычно уносят влюблённых за границы осторожности. Его пушки были расчехлены и готовы открыть огонь по противнику, но он опасался, как бы Гастон не затруднил его стрельбу. И Дарки, который был не в состоянии оценить причины

этой крайней сдержанности и осторожности своего друга, дошёл до того, что стал подозревать Нуантэля, подозревая его в том, что капитан бросил его, перестал заниматься расследованием дела его возлюбленной. Уже несколько дней Гастон жил в одиночестве в своём особняке, в мрачном расположении духа, проклиная всех людей... собственно говоря, всё человечество, сомневаясь во всём, даже в дружбе, и не ожидая больше в будущем ничего хорошего. И между тем, этим вечером, в среду, к одиннадцати часам, Гастон, несмотря на такие мрачные мысли, одевался, чтобы пойти на бал.

Он получил в конце предыдущей недели приглашение мадам маркизы де Брезе на большой танцевальный вечер и, конечно, этого не было бы достаточно, чтобы убедить его присутствовать на празднике в то самое время, как Берта Меркантур рыдала в тёмной камере парижской тюрьмы, но, этим самым утром, к нему по почте прибыли два письма, два письма, которые его незамедлительно вывели из состояния оцепенения.

Одно из них было от Нуантэля, и оно содержало всего лишь только эти три строчки:

«Приходи сегодня вечером на бал к мадам де Брезе. Ты меня найдёшь там. Я приду сам, пешком. Все идёт очень хорошо. Мы близки к цели. Приди обязательно. Ты мне нужен.»

Гастон нашел содержание этого письма не намного более ясным, чем недавние рассказы капитана. Но он не мог пренебречь изложенной в нём формальной рекомендации и почти решил отправиться по приглашению маркизы на бал в тот самый момент, когда распечатывал другое письмо, от его дяди, и в котором говорилось следующее:

«Дорогой Гастон, я сопровождаю сегодня вечером мадам Камбри на бал, который даёт маркиза де Брезе. Впервые мадам Камбри согласилась выйти в свет с тех пор, как неожиданно случилось несчастье, так сильно затронувшее тебя, а также, как выяснилось, и её. Ты знаешь, что мой брак с мадам Камбри решён, и в высшем свете это станет событием. Приходи на этот праздник. Для меня будет большим удовольствием тебя там встретить, тем более, что весь мой сегодняшний день я буду занят во Дворце делом, которое расследую сейчас и у меня не будет досуга зайти за тобой. Впрочем, было бы лучше, если мадам Камбри сама тебе рассказала новость, которую я с большим удовольствием тебе сообщил бы сам и раньше, будь у меня свободное время. Я надеюсь, что мы тебя увидим этой ночью и, уверен, что ты не будешь сожалеть о том, что выйдешь из своего затворнического состояния, покинешь, хотя бы на один вечер, свой дом, где ты замкнулся в большой печали от твоего любимого дяди и всего мира.»

Чтение этого письма разбудило в сердце влюблённого Гастона уснувшие были надежды. Эта новость, которую мадам Камбри должна была ему сообщить, разумеется касалась Берты и, если бы она была плоха, дядя Роже не спешил бы об этом сообщать своему племяннику. Признан ли он, наконец-то, невиновность бедной заключённой, или шла речь только о счастливом открытии, о совсем недавно найденной улике, которая позволяет лишь надеяться на возможность оправдательного приговора?

Была в этом письме одна тревожная фраза: «Дело, которое я расследую», – писал судья, знавший цену словам и никогда бы не воспользовавшийся написанием фразы в настоящем времени, если бы расследование дела было завершено. И, однако, Гастон не мог допустить, чтобы месье Роже Дарки придал столько значимости новости, которая проинформировала бы его об относительно незначительном факте. Призыв Нуантэля, с другой стороны, был достаточно настойчивым, поэтому Гастон принял приглашение маркизы, хотя и с тяжестью в душе и, поразмыслив над шансами, которые ему предлагал этот вечер, он решил, что не следует делать вещи наполовину, портить праздник, а необходимо сделать приветливое лицо, танцевать с мадам Камбри, вальсировать с мадам де Брезе... одним словом, принять на себя все последствия тяжёлой бальной работы, смириться с этой участью.

Чтобы подготовиться к балу у маркизы де Брезе, Дарки провел день, сидя у камина, набираясь сил и терпения, легко поужинал и немного поспал. После двухчасовой сиесты он проснулся посвежевший и с ясным сознанием, и с особой тщательностью приступил к сво-

ему туалету. Траур сердца ещё не повод публично выказывать его на бале, и, кроме того, лучшее средство не доставлять удовольствие своим недругам – это не позволять им увидеть, что неудачи Берты его огорчали.

Дарки одел новые лакированные ботинки, жилет с двумя пуговицами и белый галстук, скрывающий шею, чёрный фрак, расцвеченный чайной розой в петлице, запаса два парами перчаток и двумя полагающимися к ним платками. Камердинер ему помог одеть длинный просторный ульстер⁷, необходимое защитное средство, чтобы противостоять холоду при появлении на открытом зимнем парижском воздухе. Его купе было уже запряжено, и Гастон сел в него сразу после полуночи, и десять минут спустя его кучер был уже в трёхстах шагах от особняка де Брезе.

Праздник в доме маркизы был из тех, что занимают целые колонки газет в течение как минимум недели в разделе «high life». Люди, занимающие самое высокое положение в парижской иерархии, старались показаться на нём, и множество персонажей меньшей значимости не были исключением, ведь мадам де Брезе, иностранка, как умная женщина, обоснованно считала что следует разослать как можно больше приглашений, резонно полагая, что многие, сейчас пока еще незначительные персонажи смогут пригодиться ей в будущем, да и будет неплохо, если отчёты в газетах о её бале будут описывать очередь из прибывающих на него экипажей, начинающуюся уже на углу улицы Курсей.

Гастона немного знобило. Ковёр из мёрзлого снега покрывал дороги большого города, и прорезиненные колеса купе бесшумно скользили по его мостовым. Счастливицы, удостоенные приглашений маркизы, проходили между двумя барьерами бедняков, сбежавших туда, чтобы хоть зрительно погреться на этом спектакле передвижной роскоши, посмотреть через стекла карет на знатных дам, возлежавших на шёлковых подушках, и издали созерцать сверкающий фасад дворца, забыть в этот момент голод, холод, свою мансарду без света и тепла, и ненавистного супруга, не сумевшего обеспечить хотя бы жалкое подобие такого праздника. И многие завидовали судьбе этого молодого, красивого и богатого мальчика, имя которого было Гастон Дарки, хотя он и не ценил в этот момент счастья вояжировать на бал в тёплой уютной карете, запряжённой красивой кобылой.

Парк Монсо

Княжеское жилище маркизы располагалось в парке Монсо. Окна сверкали огнями тысяч свечей, и звуки оркестра, ослабленные толстыми стенами, доносились на улицу вибрациями эоловой арфы. Преодолев позолоченную арку, экипажи поворачивали и рысью неслись к парадному входу, останавливаясь перед величественным подъездом, обрамлённым экзотическими растениями. Гости могли подумать, что они приехали в Гавану, так как повсюду в вестибюле, просторном как оранжерея, сверкали тропические цветы. На входе этого зимнего сада были

⁷ Ульстер – длинное, свободное двубортное, (иногда однобортное), мужское пальто из грубошёрстного сукна.

установлены две статуи из оникса – черные рабы, держащие вазы с деньгами, в окружении букетов камелий, а затем внезапно возникал колоссальный медведь-чучело из России, где он, должно быть, съел много простых русских крепостных мужиков.

Дарки спешил в самом центре армии ливрейных лакеев малиново-золотого цвета, и быстро взглянув в великолепное зеркало родом из Венеции, дабы убедиться, что его наряд не претерпел никакого беспорядка во время короткого пути с улицы Монтень до проспекта Рисдель и, с непринуждённостью светского льва вошёл в первый салон, где гостей стоя встречала ослепительная маркиза де Брезе.

На ней был очаровательный наряд: белое атласное платье, покрытое кистями красных цветов, застёгнутое на руках застёжками с крупными сапфирами, тремя рядами жемчужин на шее, алмазной диадемой в волосах и алмазными же пряжками на миленьких ботиночках, обхватывающих самые прекрасные ножки в мире. И в тот вечер маркиза казалась красивее, чем обычно. Её глаза сияли, рот расцвёл, словно осенняя роза, а бархатистая кожа окрасилась в тёплые тона и светилась в тон обивки салона. Обеспокоенное выражение, которое совсем недавно временами омрачало её лицо в вечер представления «Пророка» в Опере, сменилось радостным и гордым взглядом. На лице де Брезе было ясно написано, что эта креолка счастлива, богата и красива. У женщин, которые влюблены, частенько бывает такое выражение лица.

Дарки же внезапно, смотря на этот триумф, поразила тоска. Ему уже казалось невозможным, чтобы рука, которую ему любезно протянула де Брезе, могла поразить сердце Джулии д'Орсо, чтобы искренняя улыбка, освещавшая прелестные черты её лица, могла скрывать угрызения совести. Но Дарки знал, что для установления факта невиновности Берты необходимо признать мадам де Брезе виновной в убийстве.

Гастон поприветствовал маркизу с наибольшей вежливостью, на которую только был способен, хотя мужества ему хватило лишь на то, чтобы произнести одну из дежурных, невнятных фраз, обязательно сопровождающих визит. Маркиза же, в свою очередь, не оставила ему времени на завершение банальной тирады.

– Вы тысячу раз любезны, придя ко мне, – милостиво сказала она, – так как мне известно, что вы заточили себя в четырёх стенах вашей квартиры после нашей встречи в Опере. И, так как ваш молитвенный девятидневный обет, Новенна⁸, закончен, я надеюсь, что вы не будете скучать в гостях у меня. Кстати, ваш друг, месье Нуантэль, уже здесь.

Гастон склонился в поклоне и уступил место двум ослепительным американкам, которые выдвигались вперёд с шёлковым шелестом нарядов и бряцанием драгоценных камней на теле. Он прошёл вперёд и вошёл в бальный зал, где уже всю танцевали приглашённые маркизой гости.

Этот зал представлял собой очаровательный ансамбль из вышитых обоев, позолоченной мебели, редких растений, элегантных женщин, красивых букетов, и фейерверка цвета. Но Дарки не получил большого удовольствия, лицезрея эту прелестную картину. Он искал Нуантэля, и вскоре заметил его беседующим в центре маленькой группы, где фигурировал и неизбежный Лолиф. Присоединиться к ним было не так легко, так как проход ему преграждала кадрили. Дарки, всё-таки, с грехом пополам, добрался до этой компании, а Нуантэль, увидев его, поспешил взять под руку своего друга и увлёк его в угол зала.

– Мой дорогой, – радостно сказал капитан, – прекрасно, что ты сумел заставить себя появиться здесь. Я для тебя приготовил сюрприз в конце вечера.

– Какой сюрприз? – Громко спросил Дарки.

– Дорогой друг, – ответил Нуантэль, смеясь, – если я тебе об этом скажу прямо сейчас, не будет больше никакой неожиданности, никакого сюрприза, когда настанет нужный момент.

⁸ Новенны, или девятидневные моления (чтение определённых молитв на протяжении девяти дней).

Ты ничего не потеряешь, ожидая этого мига, и для того, чтобы ты смог спокойно набраться терпения, я собираюсь вывалить на тебя кучу новостей, которые, уверен, тебя заинтересуют.

– Меня интересует только одна.

– О ней я и собираюсь с тобой поговорить... косвенно. Но признайся хотя бы, что ты меня хотел увидеть после нескольких дней вынужденной разлуки, и ты рад нашей встрече. По крайней мере я... весьма обрадован ей.

– Ой-ли! Я знаю, что моя компания не самая весёлая в этом замке.

– Это действительно так, и всё потому, что ты обижен на весь мир. Спорю, что и меня ты обвиняешь в легкомыслии... и даже равнодушии. Итак, я тебе клянусь, что ты ошибаешься. Я был занят все эти дни только тобой, то есть мадемуазель Меркантур. И я трудился не покладая рук исключительно для неё всю неделю, и сделал за несколько дней больше, чем за месяц, если бы мы работали вместе.

– Так что ты, следовательно, такого сделал?

– Вначале я убедился, что твоя возлюбленная невиновна. Да! Полностью невиновна! Берта не только не убила Джулию, но отнюдь и не она написала компрометирующие их автора письма, за которыми пошла на бал Оперы.

– А ходила ли она туда вообще?

– Да, это уже установленный факт. Но Берта отправилась в Оперу, как мы это и предполагали, ведомая самоотверженностью, возвышенная до небес своим чувством самопожертвования, мой дорогой друг. Письма были написаны её сестрой, и для их возвращения Берта рискнула своей репутацией, так что теперь, когда её обвинили в преступлении, которого она не совершала, твоя возлюбленная предпочитает предстать перед судом присяжных, лишь бы только не выдать правду. Она скорее позволит себя осудить, чем предать гласности тайну мадам Крозон. Ей достаточно было бы произнести только одно слово, чтобы оправдаться, но это слово стоило бы жизни женщине, которая для неё служила матерью, и этого слова она никогда не скажет.

– Значит, скажи его ты за неё! Если ты можешь доказать это, то чего ты тогда ждёшь, почему не спасаешь Берту? Почему ты не бежишь к судье? Ладно, он собирается прийти сюда с минуты на минуту. Разве ты откажешься от того, чтобы изложить ему всё то, что тебе известно.

– Конечно откажусь. Это был бы неверный ход, а неверные действия всегда вредны. Возможно, также, что твой дядя обвинит меня в якобы противодействии официальному обвинению и следствию, после чего вежливо попросит держаться в стороне от этого дела. Я не хочу ссориться с ним, и стараюсь сохранить свободу своих действий, что, кстати, в твоих интересах.

– Я тебя больше не понимаю, – грустно сказал Дарки.

– Нет необходимости, чтобы ты меня понимал, – возразил Нуантэль с совершенным спокойствием на лице. – Ты можешь меня подозревать в том, что я испытываю нехватку в усердии при расследовании этого дела, но, наверняка, ты не подозреваешь о моих истинных намерениях. Итак, позволь мне маневрировать так, как мне необходимо, а я тебе предоставляю моё слово чести, что очень скоро я объясню все мои действия, и уверен, что ты их одобришь.

– Ты забываешь, что, в то время, когда ты готовишь свои изящные комбинации, мадемуазель Меркантур томится в тюрьме, в ужасной темнице.

– Я ничего не забываю, и чтобы тебе доказать, что я постоянно думаю о её положении, я могу прямо сейчас сказать, что её невинность вскоре вспыхнет ярким светом... и возможно, в течение следующих суток... и я не буду абсолютно чужим в достижении этого результата.

– Как она вспыхнет? Говори! Если только тебе не доставляет удовольствие терзать меня пустыми речами.

– Идёт речь лишь о точке, которую необходимо поставить в этом деле, точку, на которой я позволил себе привлечь внимание месье Роже Дарки, штрих, которому вначале не придавали достаточной значимости.

– Что! Ты видел моего дядю?!

– Нет. Но я попросил кое-кого встретиться со свидетелем, который уже был допрошен, и попросить этого свидетеля дать показания судье Дарки ещё раз и уточнить их. Это должно было быть сделано вчера или позавчера и, если, как я на это надеюсь, свидетельство это было благоприятно к обвиняемой, то она спасена. Её алиби доказано.

Сердце Дарки было готово его задушить. Он вспомнил письмо своего дяди и спрашивал себя, не об этой ли хорошей новости должна была ему сообщить мадам Камбри, но он ещё злился на капитана, и нашел хороший способ ему это выказать, так что вместо того, чтобы рассыпаться в благодарностях, он ограничился тем, что с преувеличенной скромностью произнёс:

– Это было бы слишком красиво. Я так не думаю... по крайней мере, сейчас.

– Не нужно полагаться ни на кого и ни на что, – спокойно ответил ему Нуантэль. – И если мы не добьёмся успеха в этом, то я собираюсь привести в исполнение мой собственный план Б, простой и практичный. Мой план А, как ты знаешь, состоит в том, чтобы убедить судью в том, что бедная Джулия была заколота прекрасной ручкой маркизы де Брезе. Если она виновна, то мадемуазель Меркантур, естественно, таковой не является. Это совершенно ясно и понятно абсолютно всем, в том числе и твоему дяде, так что это стоит всех алиби мира. Итак, кроме всего прочего, я заполучил с потрохами в свои руки Ласко и Сен-Труа. Я знаю о плутовстве этих двух пройдох, которые прижились в доме у маркизы и хотели мне помешать появиться здесь, на этом празднике жизни, но, как видишь, они ошиблись... я с успехом оказался в этом милом дворе, и здесь останусь до тех пор, пока единолично обладаю их тайной. Трансатлантические бандиты сдались на милость мне, и я заставлю маркизу выставить их прочь за дверь её особняка, когда мне это захочется сделать. А пока я терплю их присутствие... по разным причинам, мне известным, но вскоре это будет невозможно... с того момента... с сегодняшней ночи... когда я вырву признание у де Брезе. Именно поэтому я и попросил тебя сюда прийти.

– Опять, как всегда, одни загадки, – прошептал Гастон.

– Загадка, это то самое слово, которое пропадёт из твоего лексикона, если у тебя хватит мужества не пойти сегодня преждевременно спать и дождаться весёлого танца под названием котильон, – рассмеялся капитан.

– Я понимаю тебя все меньше и меньше.

– Это для тебя дополнительный повод, чтобы задержаться здесь подольше. Я понимаю, что у тебя не хватит мужества на танец, но кадрили и не обязательна и, чтобы развлечься, у тебя будет достаточно времени на разговор с твоим дядей, который непременно постарается сделать его интересным для тебя. Он тебе, возможно, расскажет много нового и, в любом случае, поговорит с тобой о своём браке, вопрос о котором, насколько мне известно, уже решён. Ты теряешь, в результате, как я понимаю, восемьдесят тысяч ливров ренты, но я не смею порицать тебя за это решение, так как никакое богатство не стоит независимости. И в силу этой аксиомы ты меня сейчас, уверен, извинишь за то, что я тебя на время покину. Мадам де Брезе уже заканчивает сбор сливок общества, а такая хозяйка дома, как она, не отдаст никому свой тур танца, ведь гаванка, как ни странно – страстная поклонница вальса. Де Брезе, возможно, предпочла бы качучу⁹, но кастаньеты у нас не в почёте, и она не в Испании, чтобы публично исполнять национальный долг. Маркиза восполняет этот пробел в вальсе, и я намереваюсь вальсировать с нею, не говоря уже о котильоне¹⁰, который мне был твёрдо обещан. Именно

⁹ Качуча – популярный кубинский танец, схожий с болеро. Традиционно, качучу могут танцевать как мужчины, так и женщины. Обычно танец сопровождается стуком кастаньет и притопыванием каблуков.

¹⁰ Котильон (*фр.* cotillon) – танец-игра французского происхождения, Первоначально так называлась нижняя юбка, а затем это название закрепилось за танцем, во время которого были видны нижние юбки. Танец получил в середине 19 века широкое

в котильоне я нанесу решающий удар и, если ты мне веришь, то будешь меня ожидать до тех пор, пока это финальное упражнение не будет закончено.

– Я тебе ничего не обещаю.

– Ладно! Но если ты мне хотя бы пообещаешь остаться до конца танца... может быть бы в качестве наблюдателя, а не активного участника сегодняшнего вечера, то я тебе обещаю вернуться через некоторое время и скрупулёзно, обстоятельно отчитаться обо всех моих операциях. Никаких больше загадок, никакого замалчивания фактов... ты будешь знать всё. Договорились?

– Да, но...

– Этого мне достаточно, и я иду заниматься твоими делами. Присоединяйся к Лолифу, который только и ищет, кому бы причинить неприятности, и если вдруг Сен-Труа или Ласко начнут к тебе приставать, вежливо и безжалостно прерви их речитатив и удались прочь.

– Тебе не обязательно утруждать себя такими рекомендациями. Эти два негодяя и без того вызывают во мне отвращение.

– Ах! Забыл сказать, что здесь был замечен Пребор, сумевший проникнуть на бал, несмотря на оскорбление, которое мадам де Брезе ему накануне нанесла на Елисейских полях. Я думаю, что он будет юлить перед тобой, но несмотря на это, избегай его, поскольку ещё не настал час искать ссоры с этим фатом. На этом, мой дорогой друг, всё... я пошёл... Ах! Чёрт возьми! Кажется, что ты недолго будешь пребывать в одиночестве. Вот и месье Роже Дарки, предлагающий руку мадам Камбри. Она немного бледна, но как красива! И помолодела лет на десять. Значит, у твоего дяди есть талант творить чудеса. Прощай, наследство! Очень скоро у тебя будет пол-дюжины маленьких кузенов и юных кузин, и это именно то, чего ты хотел. Итак, до свидания, встретимся после котильона. Я бегу в распоряжение маркизы.

Произнеся эту фразу, капитан оставил своего друга размышлять над сказанным, и моментально затерялся в толпе, которая неумолимо заполняла зал.

Оркестр замолчал. Только что закончилась кадрили, и кавалеры провожали своих партнёров. Одновременно появлялись другие, недавно прибывшие пары, и эти два противоположных течения вызвали некоторое смущение в зале, которое случается почти всегда в каждом антракте большого бала. Гастон искал глазами своего дядю, но не заметил его, и ему пришлось прошить насквозь несколько групп гостей, пока, наконец, после длинных и сложных манёвров по залу Гастон, обнаружил Роже Дарки стоящим перед мадам Камбри, которая, едва присев на изящную банкетку, сразу же была окружена толпой поклонников. Её красота привлекала кавалеров, как свет свечи бабочек, и мадам Камбри окружил целый сонм как из молодых кавалеров, желающих, чтобы она записала их в своём журнале на тур вальса, так и более зрелых друзей, рассыпавшихся в изящных комплиментах, одновременно немного подчёркнуто скромно поздравлявших вдову со скорым новым браком. Месье Роже Дарки также удостоивался сильных рукопожатий в связи с этим предстоящим событием и, как умный человек, старался удачно выпутаться из этого деликатного для своего возраста положения, ситуации будущего мужа, кавалера, сопровождающего молодую женщину... такая своеобразная школа будущих мужей, которую нужно пройти до официальной церемонии.

Гастон даже не пытался смешаться с этой толпой придворных влиятельного судьи, ведь ему было необходимо поговорить с прелестной вдовой о чём-либо ином, кроме отвешивания пошлых комплиментов, и он ждал лишь удобного момента, чтобы приблизиться к прелестной вдове, когда рой кавалеров вокруг неё разлетится в направлении следующих сладких цветков. И, тем временем, Гастон принялся смотреть на вдову издали, в надежде прочитать на её при-

распространение на европейских балах в форме сюиты из нескольких самостоятельных бальных танцев и фигур, выбор которых зависит от танцующих. Котильон объединял несколько танцев (вальс, мазурка, полька), и исполнялся всеми участниками в конце бала. Разнообразие котильона зависело от ведущей пары. Кавалер-кондуктор давал сигнал оркестру, громко называя фигуры. Он же следил за согласованностью движения пар.

ятном лице новость, о которой она должна ему сообщить, но не сумел увидеть на нём совершенно ничего. Абсолютно. *Tabula rasa*. Женщины на балах умело скрывают свою грусть под улыбками, румяна виртуозно подкрасили бледнеющую печаль их щёк, а глаза, которые ещё недавно плакали, теперь сверкают. Невозможно угадать, что у них на сердце – глубокая тоска или радостная новость, о которой только что объявили, ведь всё их существо – это лишь одна только маска. Гастон сумел увидеть лишь одно – мадам Камбри была действительно очаровательна.

Будущая супруга судьи следовала новой парижской моде, которая, к счастью, была к лицу пепельным блондинкам с иссиня белой, практически, как говорят, фарфоровой кожей. Она была одета полностью в чёрный атлас, так что платье вдовы, очень узкое в бёдрах, восхитительно подчёркивало её гибкий стан. Никакого белого, никаких цветовых украшений на этой тёмной основе. Ничего, кроме редких цветов, цветов одного вида... огромные анютины глазки голубовато-фиолетового цвета, те самые, что садовник, создавший их, назвал глазами Дагмар, потому что они напоминают удивительный оттенок глаз восхитительной принцессы.

Это был некий траурный наряд, своеобразный бальный траур. Красивая вдова, возможно, могла нести смерть в душе и одеться таким образом, чтобы захватить с собой свою боль в мир высшего света и светских развлечений.

На мадам Камбри не было бриллиантов, хотя она гордилась коллекцией алмазов, которые передавались в её семье по наследству ещё от прабабушки. Единственное украшение, которое можно было заметить на прекрасной вдове, скрывалось под букетиком фиалок, зафиксированном на блузке рядом с плечом – маленькая золотая змейка, чьи глаза смотрели на окружающий мир прекрасными хищными рубинами.

– Мадам Камбри любит Бертю, и она её защищает, – думал Гастон, – но сколько женщин на месте этой вдовы отреклись бы от бедной, несправедливо обвинённой сироты! И кто знает, может быть лишь благодаря тому, что мадам Камбри сейчас рядом с моим дядей, расследующим дело Берты, нам удастся её спасти?

Гастону не терпелось поговорить с мадам Камбри, и он проклинал лебезящих перед ней кавалеров, обременявших её поздравлениями и приглашениями на рандеву.

– Кажется, мадам Камбри собирается танцевать. Должно быть, она ангажирована на всю ночь, и Бог знает, когда я смогу с ней поговорить, – сказал сам себе Гастон с некоторым беспокойством, – мой дядя тоже здесь, но я предпочёл бы не прибегать к его помощи при общении с его будущей супругой.

В конце концов в зале немного прояснилось, но оркестр уже начал предвирать следующий танец, и ноты, разлетающиеся от инструментов, искали гармонию, напоминая кавалеров, рассеянных по залу. Круг вокруг мадам Камбри разбился, и Гастон смог, наконец, приблизиться к ней. К тому же, месье Роже Дарки был пленён только что одним из его друзей-судей и не видел своего племянника. Вдова же его заметила при первом же шаге, который он сделал в её направлении, и её лицо тут же изменило выражение. Это был некий неосязаемый знак, хотя она была всё ещё осаждена красивым лейтенантом Тревилем, который настаивал на том, чтобы получить от неё тур вальса, хотя это был бы уже тринадцатый для мадам Камбри, и он получил вежливый отказ, так что Гастону не пришлось молиться о том, чтобы в корне пресечь навязчивые идеи этого любезного гусара, поскольку Тревиль сумел моментально осознать, что он мешает. Лейтенант отступил, направив вдове спасательный круг в виде выразительной улыбки и дружеского пожелания доброго вечера в компании Дарки, его товарища по Клубу.

– Я вас искала, – загадочно произнесла мадам Камбри, протягивая Гастону для поцелуя кончики своих тонких пальцев.

– Это я вас искал, мадам, – прошептал Дарки, – и я вас умоляю извинить меня за то, что медлил так долго, дабы представиться вам здесь. Пожалуйста, осудите моё промедление. Вы были окружены таким сонмом поклонников, что я до сих пор не имел ни малейшей воз-

возможности приблизиться к вам... хотя я единственный в этом дворце, кто пришёл сюда только ради вас...

– Или ради неё... и для меня, не правда ли? Я сожалею о том, что не встретила вас раньше. Я была ангажирована почти на все танцы, и теперь собираюсь слёзно попросить вас остаться со мной, ведь нам необходимо обсудить столько вещей. Специально для вас я сохранила одну кадрили, так что не удаляйтесь далеко от меня.

– Я вам искренне благодарен за такую милость.

– За это нужно благодарить вашего дядю, это он один всё сделал. Но я слышу, что звучат первые ноты, предвещающие вальс, который я уже обещала, так что я вас оставляю в распоряжении месье Роже, который вам расскажет...

– То, что я предпочёл бы сто раз услышать из ваших уст, – прервал вдову Гастон, настолько взволнованный ее словами, что забыл, сколь неприлично перебивать женщину.

Мадам Камбри склонилась к его уху и произнесла вполголоса: «Я очень счастлива. Завтра, уверена, Берта нам будет возвращена.»

– Завтра! – Воскликнул Гастон. – Не послышалось ли мне? Неужели завтра она будет свободна?!

– Распоряжение о её освобождении было подписано этим утром, – прошептала мадам Камбри. – Ваш дядя вам расскажет подробности. А сейчас, как вы видите, я больше не принадлежу сама себе.

Тут к ним подбежал счастливчик, удостоенный будущей мадам Дарки чести вальсировать с ней. Она подала ему свою руку и позволила себя поддержать.

– Свободна! – Пробормотал Гастон. – Ах! Я и не надеялся на такое счастье, и едва ли могу поверить в это сейчас. И поклялся бы, что мадам Камбри в это также не верит, ведь она мне сообщила об этой радости почти печальным тоном... и, однако, она сказала, что распоряжение подписано. Ах! Мне не терпится расспросить моего дядю.

Дядя же его в это время был в двух шагах от него, и он прекрасно видел своего племянника, но, к несчастью, был вовлечён в это время в серьёзный разговор со своим коллегой, так что Гастон не мог вот так вот запросто броситься к ним и пресечь их беседу о владении недвижимостью магистратуры. Он был вынужден ограничиться тем, что бросал умоляющие взгляды на месье Роже Дарки, который ему сделал знак ожидать окончания столь важного для магистратуры разговора, так что Гастон укрылся в проёме окна, чтобы предоставить полную свободу движений вращающимся в вальсе кавалерам и дамам.

Двадцать пар, влекомые превосходным оркестром, кружились вихрем на покрытом воском паркете. Были там во множестве представлены иностранки, которые кружились как кометы, и среди них красавец Пребор уносил в пространство крупную американскую брюнетку, сверкающую огнём в глазах и маленькой ювелирной лавкой на плечах. Молоденький барон Сиголен благоразумно вёл в танце юную испанку, бледную как луна, какую-то троюродную сестру маркизы. Тревиль, отосланный прекрасной вдовой в четырнадцатую мазурку, успокаивался, убаюкивая русскую матрону с зелёными глазами, опиравшуюся на него со всей своей азиатской беззаботностью. И Сен-Труа, сорокалетний Сен-Труа, заставлял крутиться на месте свою кругленькую пациентку, которую он лечил от невроза, так что вальс для них превратился в некий диетический метод лечения.

Задержанная выполнением своих обязанностей хозяйки дома, маркиза не вальсировала, и Нуантель отправился в первый салон, чтобы присоединиться к ней.

Гастон же продолжал глазами следить за своим дядей, и его живо взволновало, когда он увидел, как тот, наконец, отделился от судьи, с которым до сих пор так усердно беседовал, и приблизился к окну. Месье Роже Дарки улыбался, и это было доброе предзнаменование.

– Итак, – произнёс судья, – ты должен быть доволен, так как я предполагаю, что мадам Камбри уже сообщила тебе важную новость.

– Да, – ответил племянник, трепещущий одновременно от надежды и беспокойства, и всё... в связи с судьбой своей возлюбленной, – мадам Камбри меня уверила, что завтра утром мадемуазель Меркантур выйдет из тюрьмы.

– Совершенно верно.

– Ах, вы меня вернули к жизни. Я знал, что она на самом деле не виновна, и наконец-то это стало очевидно и для суда! Это гнусное обвинение было ничтожным с самого начала вашего следствия... от него не останется теперь ни следа, и сейчас...

– Прости! Разве мадам Камбри тебе не сказала ещё чего-нибудь?

– Нет.

– В очередной раз убеждаюсь, что даже самые умные женщины порой испытывают нехватку в точности выражений. Она должна была бы завершить свою новость о твоей пассивности.

– Мы едва успели обменяться с мадам Камбри лишь только несколькими словами, и её тут же забрали на тур вальса.

– Что...? Ты позволил увести её другому кавалеру. Ведь это тебе принадлежала честь открывать бал с твоей будущей тётей... Ладно, я тебя прощаю, ведь влюбленные не ведают того, что творят. А я предполагаю, что ты ещё влюблён...

– Более, чем когда-либо, и надеюсь, что теперь вы не осудите решение, которое я принял... несмотря ни на что... жениться...

– На одной обвиняемой...? Но, если говорить по сути, я по-прежнему весьма осуждаю это твоё решение, и мне непонятно, почему ты хочешь, чтобы я изменил своё суждение, так как в сущности, ничего не изменилось?

– Я вас не понимаю, мой дорогой дядя. Вы мне только что сами сказали, что мадемуазель Меркантур будет освобождена.

– Временно... Вот то слово, которое мадам Камбри должна была добавить, чтобы не давать тебе ложную надежду. Правда, ты бы и сам должен был об этом догадаться.

– Временно... Как? Что это означает...?

– Под залог, если тебе нужна более точная юридическая формулировка. Это тебя удивляет? Значит ли это, что ты забыл уголовно-процессуальный кодекс? Хотя... что меня удивляет? Я всегда немного подозревал об этом!

– Что! Разве речь не идёт о конкретном постановлении о прекращении дела. Разве вы не оставляете это дело, в то время как всё доказывает...

– Доставь мне удовольствие, успокойся и выслушай меня. Я хочу тебе объяснить мотивы решения, на котором я остановился, испытывая при этом сильные колебания, не только не скрывая этого факта от тебя, но и прямо тебе об этом заявляя. Ты же прекрасно знаешь, что идёт следствие, и у меня есть доказательства того, что мадемуазель Меркантур действительно была на бале Оперы, и она входила несколько раз в ложу Джулии д'Орсо, да и твоя мадемуазель и сама этого не отрицает. Упорное молчание и её слезы эквивалентны признанию, пусть она даже не оставалась всю ночь на бале... я это допускаю... я даже почти уверен, что она потом пошла в другое место. Но куда? Мадемуазель Меркантур отказывается об этом говорить, и этот отказ мне бесконечно подозрителен. Я сейчас об этом сигнализирую лишь мимоходом, потому что тебя этот факт должен затронуть с другой точки зрения, нежели меня. Я тебе даже не говорю о японском кинжале, безусловно принадлежавшем ей, и о сожжённых письмах, фрагменты которых обнаружили в её камине. Ты знаешь обо всем этом, и ты обязан понимать, что мой долг был и состоит в том, чтобы продолжать расследовать это дело до тех пор, пока оно не будет разъяснено полностью и мне, и следствию, и парижской общественности, чрезвычайно заинтригованной этим убийством. Но только что произошёл инцидент, о котором тебе ещё неизвестно, слегка изменивший положение обвиняемой. Ночью, с субботы на воскресенье, то есть в ночь бала, двое полицейских, которые делали ежедневный обход, нашли на бульваре Вилет, на углу с улицей Буиссон-Сент-Люи, костюм домино. Эти объекты

формально были опознаны торговкой подержанными вещами, которая их продала мадемуазель Меркантур. Это – доказательство того, наряду с рядом других, что обвиняемая пошла на бал... и в другие места, о которых я тебе расскажу сейчас.

– Бульвар Вилет! – Повторил Гастон. – Это что-то невероятное.

– Весьма невероятно, действительно, я с тобой согласен, но тем не менее, невероятно и то, что я ещё только собираюсь осмыслить. Оба полицейских, которых я допросил, вначале дали показания, что они сделали эту находку во время обычного обхода в период времени от часу ночи до трёх, не уточняя более подробно время находки, и меня вполне устраивало это заявление, которое очень хорошо согласовывалось с гипотезами обвинения, но позавчера один из этих стражей порядка попросил меня дополнить его показания, и я его допросил в моём кабинете. Итак, он мне сообщил, что со времени его первого допроса он вспомнил, что некоторое время спустя после того, как он подобрал это злосчастное домино, в одной из церквей Бельвиля пробило три часа.

– Итак? – Спросил Гастон, так и не сумевший до сих пор понять, куда его дядя метил этим заявлением.

– Итак, – ответил месье Роже Дарки почти насмешливо, – именно благодаря этому обстоятельству ты сможешь снова увидеть свою мадемуазель Меркантур. И я надеюсь, что ты меня правильно понял... хотя я и считаю, что у тебя решительно не просматривается достаточно весомых качеств и таланта для службы в магистратуре... ведь, немного подумав, ты бы понял, что преступление, совершенное в три часа ночи в Опере женщиной в домино не может быть совершено дамой, выбросившей своё домино на улицу за несколько минут до этих самых трёх часов ночи.

– Это совершенно очевидно и, при наличии такого убедительного доказательства, я совершенно искренне удивляюсь, что у вас ещё остаются сомнения, не позволяющие вам окончательно отпустить мадемуазель Меркантур.

– Не столь уж убедительное, как ты утверждаешь, это доказательство. Поначалу, я действительно был очень поражён тем фактом, что свидетель вспомнил только через пять-шесть дней столь значительный факт, о котором он мне вдруг заявил. Это запоздалое возвращение памяти человеку было очевидно внушено ему предложениями какой-то персоны, не совсем чуждой этому делу.

– И это сделал Нуантэль, – думал в это время думал Гастон, – а я ещё смел обвинять его в безразличии и небрежности!

– И должен тебе сказать, – продолжил судья, – что я справился о моральном облике этого полицейского у его начальства и узнал, что он характеризуется по службе очень даже неплохо. Его руководство считает этого малого неспособным как говорить неправду, так и позволить себя соблазнить вознаграждением. Этот полицейский утверждает, что обсуждая это дело в кафе с каким-то неизвестным ему господином, он вспомнил об этом обстоятельстве в тот самый час, когда зазвонили часы церкви Святого Жоржа, недавно построенной на улице Пуэбла. Этот неизвестный ему заметил, что он должен незамедлительно постараться проинформировать об этой детали судью и буквально заставил его добиться у меня аудиенции.

– Следовательно, всё объяснилось очень просто.

– Хм! Надо было бы ещё узнать, в чьих интересах действовал этот человек, так заинтересованный этим вопросом. Это не могло быть простым совпадением, и если это был, например, друг обвиняемой, необходимо ещё кое-что выяснить относительно его заинтересованности. Но, наконец, я всё-таки посчитал этот факт установленным для следствия. К несчастью, как ты, надеюсь, понимаешь, он противоречит многим другим, столь же доказанным, и чтобы он оправдал полностью и окончательно мадемуазель Меркантур, следовало бы доказать ещё...

– Что? – Воскликнул Гастон, который буквально переминался с ноги на ногу от нетерпения.

– Ну, например, что она не меняла костюм в дороге, не приходила в Оперу два раза, что между её двумя визитами она не совершила поездку в Бельвиль, причину которой остаётся ещё определить, и что в течение этой поездки она не освободилась от своего домино, чтобы переодеться в другое, точно такое же...

– Но это абсолютная чушь... нет, это невозможно!

– Ты чуть не сказал мне только что дерзость, но забыл при этом, что в своём письме Джулия назначила встречу мадемуазель Меркантур в половине третьего ночи. Абсолютно не допустимо уверять меня, что мадемуазель Меркантур не будет точна. Что касается её первого появления в ложе, ближе к полночи с половиной, это можно объяснить несколькими причинами.

– Разве вы не способны предположить, что кроме неё и другие женщины имели возможность войти в эту злосчастную ложу.

– Раз ты предполагаешь это, то и, очевидно, именно эту систему защиты выдвинет её адвокат, когда дело дойдёт до судебных заседаний.

– Заседаний! Так вы думаете, следовательно...

– Что обвиняемая предстанет перед судом? Да, это очень даже вероятно, но, между тем, совсем не обязательно. Я, априори, не отрицаю, что другая женщина, или даже, хочешь ли ты того или нет, некорые другие женщины, также могли встречаться с Джулией с полуночи до трёх часов утра. Но, до настоящего времени, всё, кажется, доказывает противоположное. Главный свидетель тому – билетёрша, хотя эта женщина и наполовину сумасшедшая. У этой самой билетёрши по имени мадам Мажоре есть две дочери-статистки в Опере и, кроме того, голова, буквально начинённая странными фантазиями. Она в своих фантазиях дошла до утверждения, что это преступление было совершено этим самым месье Лолифом, которого ты знаешь лично и, который, на самом деле, является всего лишь безобидным дураком. Одним словом, я не сумел ровным счётом ничего вытащить из этой экстравагантной хранительницы ложи Джулии в Опере, и для моего секретаря было сущей карой небесной протоколировать её показания, когда она начинала заговариваться. А такие места сплошь и рядом изобилуют в них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.